

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДРУЖБА.

КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Сюжетъ взятъ изъ французской повѣсти Шарля Бернара. «La chasse aux amants»).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ЭРНЕСТЪ КОЛОНЖЪ, живописецъ.

АВРЕЛІА, жена его.

ГАБРИЕЛЬ, ея подруга.

БАРОНЪ ДЕ-ЛИВЕРНУА.

ЛА-БЕРТОНИ.

ФЕЛИСЬЕНЪ РЕНЬЕ.

ЛЮДОВИКЪ, слуга Колонжа.

Первое дѣйствіе въ отелѣ г-жи Габріель, въ отдаленной комнатѣ, назначенной для чтенія газетъ и журналовъ.

Второе въ гостиной г-жи Колонжъ.

Третье въ мастерской Колонжа.

ДѢЙСТВІЕ I.

Всѣ лица этого дѣйствія въ бальныхъ костюмахъ.

—

I.

КОЛОНЖЪ (*входя*). Наконецъ я пробрался сюда. Здѣсь нѣтъ никого, и слава-Богу! Я могу свободно вздохнуть отъ этой жары и толкотни. О балы! вы мученье для мужей, любящихъ, какъ я, страстно своихъ женъ и къ тому же ревнивыхъ. Да, я ревнивъ, я это чувствую...

II.

КОЛОНЖЪ и БАРОНЪ ДЕ-ЛИБЕРНА.

БАРОНЪ. Колонжъ, любезный Колонжъ, я гнался въ толпѣ за тобою...

КОЛОНЖЪ. Это ты, баронъ!..

БАРОНЪ. Ты такъ блѣденъ и разстроены?

КОЛОНЖЪ. Да, ты застаешь меня въ такую минуту, когда волей или неволей мы должны открыть то, что тревожитъ насъ. Впрочемъ, ваяться я не буду, ты другъ мнѣ. Сядь и слушай.

БАРОНЪ. Готовъ слушать, и даже совѣтовать, если позволишь. (*всторону*). И то и другое ничего не стоить.

КОЛОМЖЪ. Ты знаешь, что больше по лѣности я долго не цѣнилъ своего таланта въ живописи. О славѣ, правда, я никогда не думалъ, и если иногда работалъ, то единственно отъ скуки.

БАРОНЪ. Однако талантъ не вправѣ быть празднымъ: бездарности простишь поневолѣ, лѣности никогда. Не силы тебѣ недоставадо, Коломжъ, а воли.

КОЛОМЖЪ. Ты правъ. Для большей части художниковъ женитьба бываетъ эпохою дремоты, если несовершеннаго сна; для меня же напротивъ, женитьба была началомъ пробужденія. Хочешь ли знать, какимъ-образомъ безпечность моя превратилась въ самую навряженную дѣятельность?

БАРОНЪ. Хочу ли знать? Не только твоему другу, но и каждому было бы любопытно это знать. Я слушаю внимательно.

КОЛОМЖЪ. Прїѣхавъ однажды на балъ съ моею Авреліей, я случайно очутился позади двухъ незнакомыхъ мнѣ мужчинъ, и поневолѣ должемъ былъ выслушать слѣдующій разговоръ: «Кто эта прелестная дама въ черномъ? спросилъ одинъ изъ нихъ.» Госпожа Коломжъ, замѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ; она столько же умна, какъ хороша.—«А кто ея мужъ?»—Право не знаю; здѣсь есть въ залѣ какой-то Коломжъ, адвокатъ, музыкантъ или нотаріусъ, кто его знаетъ. Кому до него дѣло? Мужъ такой жены какъ-будто и не существуетъ.

БАРОНЪ. Ай, ай!

КОЛОМЖЪ. Я хотѣлъ было доказать невѣждѣ свое существованіе, приличнымъ образомъ наказавъ его дерзость, но удержался и затанлъ свой гнѣвъ. Однако обидя эта пустила глубокіе, плодотворные корни въ мое сердце, и съ-тѣхъ-поръ возникла во мнѣ рѣшимость, которая измѣнила жизнь мою, открыла передо мною новый горизонтъ.

БАРОНЪ. Да, жена твоя такъ прекрасна, что возлѣ нея и гениіи лишится половины лучей своихъ.

КОЛОМЖЪ. А я, обыкновенный человекъ,—исчезаю совершенно. Прежде имя мое имѣло хоть нѣкоторую самостоятельность, принадлежа единственно мнѣ; теперь у меня нѣтъ и этой собственности, какъ бы ничтожна она ни была. Я уже не Коломжъ, а только мужъ г-жи Коломжъ. Я сдѣлался какой-то жалкою аксесуарною вещью...

БАРОНЪ. Тебя, какъ видно, задѣли за живое...

КОЛОМЖЪ. Я не создавъ для подобной роли. Если красота дорого цѣнится, то талантъ все-таки выше ея; а во мнѣ онъ есть, и я докажу это. Холостымъ, я могъ лѣниться, — но теперь дѣло идетъ о моемъ счастіи. Замѣтивъ, что мною пренебрегаютъ другіе, Аврелія стала бы презирать меня, а отъ презрѣнія до оскорбленія одинъ только

шагъ. Къ дѣлу же! сказалъ я себѣ: станемъ сражаться, чтобы приобрести уваженіе и любовь уважаемой женщины. Этотъ глупецъ не зналъ, кто я! музыкантъ или нотаріусъ, и я поклялся честью, что не дамъ, какъ черезъ годъ, свѣтъ узнаеть, что я живописецъ.

БАРОНЪ. Признаюсь, не знаяши причины твоего перерожденія, ни я, ни знакомые твои тебя не понимали. Изъ хлѣба, слава-Богу, работать тебѣ не было нужды,—ты богатъ. Я помню, какъ между парижскими живописцами говорилося вотъ что: Знаете ли новость? Колонжъ пишетъ для выставки историческую картину. — Не можетъ быть! отвѣчали другіе, вы вѣрно хотите сказать о какой-нибудь идиллической пастушкѣ съ овечкой на розовой ленточкѣ... Историческую картину, говорятъ вамъ, да еще какую! Сраженіе Кимвровъ съ Маріемъ!—Извини, Колонжъ, но при этомъ извѣстіи всеми овладѣвалъ гомерическій смѣхъ, такъ казалось забавнымъ сближеніе твоей кисти съ мечемъ Маріа.

КОЛОНЖЪ. Эти насмѣшки доходили до меня, и раздражая меня болѣзненно, придавали мнѣ еще болѣе силы.

БАРОНЪ. Я самъ, грѣшный, смѣялся не разъ... Мы тогда еще не были въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ... Уважая живопись, я понялъ позже твой высокій талантъ, но тогда... Поль-де-Кокъ, сочиняющій надгробную рѣчь, не встрѣтилъ бы такого противодѣйствія, какое встрѣтила твоя попытка писать въ историческомъ родѣ.

КОЛОНЖЪ. Я зналъ, какое впечатлѣніе произвело одно извѣстіе о сюжетѣ моей картины, которую еще никто не видѣлъ. Я зналъ, что неумолимые свистки ждутъ ее въ случаѣ паденія. Но въ виду опасности блѣднѣютъ только трусы. Жребій былъ брошенъ! Я рѣшился побѣдить и вынудить рукоплесканія; чтобы не видѣть позора...

БАРОНЪ. Успокойся, мой другъ; по всемъ вѣроятіямъ первое скорѣе случится, чѣмъ второе...

КОЛОНЖЪ. Ты поймешь, что послѣ такой рѣшимости я работалъ съ отчаяннымъ мужествомъ, какое только можетъ быть у человѣка, сражающагося на жизнь или смерть. Каждое утро я забирался въ мастерской, и выходилъ изъ нея только поздно вечеромъ.

БАРОНЪ. Мнѣ ли ты это говоришь? Я твой домашній другъ, а не имѣлъ еще до-сихъ-поръ доступа къ картинѣ.

КОЛОНЖЪ. Не только ты—жена моя еще не видала ее! Тамъ, одинъ, безъ свидѣтелей, лишенный совѣтовъ дружбы, но зато не боясь и коварныхъ совѣтовъ зависти, одинъ со своимъ вдохновеніемъ, проникнутый своею мыслію, я работалъ надъ полотномъ, которое должно было принести мнѣ славу или смерть. Подъ моею кистью, осужденною по приго-

вору критики малевать одиѣхъ только пастушекъ, располагались группы сражающихся, ломались копыя, зубрились мечи. Кимвры и Римляне рѣзались въ бѣшеной схваткѣ; колесницы давили колесами бѣлокурыхъ дочерей Тевтона. Съ развитіемъ картины развивалось во мнѣ то творческое вдохновеніе, безъ котораго возможны только безцвѣтныя, холодныя произведенія. Вотъ это живопись! говорилъ я иногда... но такія мгновенія были рѣдки. Чаще мнѣ казалось, что кисть моя была недостойна мысли, и мною овладѣвали тогда тоска и сомнѣніе. Такимъ образомъ, то князя отвагою, то падая духомъ, на коварныя привѣтствія и насмѣшки моихъ собратій я не хотѣлъ иначе отвѣчать, какъ ревностнымъ трудомъ.

БАРОНЪ. Это прекрасно, Колонжъ, я доволенъ тобой!

КОЛОНЖЪ. Ничто казалось не могло отвлечь меня отъ моей задушевной работы, какъ вдругъ въ началѣ зимы въ мое удивленіе закралась одна изъ тѣхъ мыслей, которыя иногда неожиданно приходятъ въ голову мужа. Аврелія съ самаго пріѣзда въ Парижъ сдѣлалась предметомъ дерзкаго вниманія, оказываемаго тѣмъ женщинамъ, которыхъ своенравная мода ставитъ вдругъ выше прочихъ.

БАРОНЪ. Чтожъ мудренаго? Она хороша и умна, и къ новому свѣтлу склонилась всеѣ подсолнечники волокитства.

КОЛОНЖЪ. Именно такъ. Въ началѣ зимы, когда «пожиратели сердець» готовятся къ зимней кампаніи, Аврелія избрана была цѣлью похода въ новомъ родѣ.

БАРОНЪ. Армія съ каждымъ днемъ увеличивалась, потому-что влюбленные составляютъ племя подражателей.

КОЛОНЖЪ. Тѣ, которые и не замѣчали прежде жены моей, влюблись въ нее тотчасъ же, какъ только любовь къ ней вошла въ моду. Я ужаснулся... ревность во мнѣ проснулась; я бросилъ кисти и краски, и посвятилъ себя одному изъ супружескихъ занятій. Вооружившись необходимымъ притворствомъ, я сталъ наблюдать за женою.

БАРОНЪ. И что-же ты открылъ?

КОЛОНЖЪ. Я нашелъ ее простодушною преданною желанію нравиться, довольною своимъ усиліями и совершенно невнимною сердцемъ. Однако эти открытія оставили во мнѣ много тоски и безпокойства. Кто могъ мнѣ ручаться за будущее? Ты знаешь, какъ я подозрителенъ. Долго размышляя о непадежности супружескаго счастья, я понялъ необходимость дѣйствовать рѣшительно. Но какъ? Лучше всего было исторгнуть Аврелію изъ пѣгубной свѣтской жизни. Такой планъ правился мнѣ, влюбленному художнику, но Аврелія...

БАРОНЪ. Какъ ее заставить на это согласться? Какъ заставить мо-

лодную женщину отказаться отъ всѣхъ удовольствій и баловъ, на которыхъ она владычествуетъ?

КОЛОНЖЪ. Прибавь еще, какъ рѣшиться на такое насиліе тому, кто до-сихъ-поръ слѣдовалъ непреложному правилу всѣхъ умныхъ мужей, что жена должна господствовать въ домѣ? Меня ужасала мысль сдѣлаться Арнольфомъ или докторомъ Бартоло. Потерять любовь Авреліи! Это было-бы послѣднею мѣрою моего несчастія.

БАРОНЪ. Я совершенно раздѣляю твои мученія... Подумаемъ, совѣтуемся вмѣстѣ. Тебѣ предстоитъ, по моему мнѣнію, одно: бросить живопись и слѣдить всюду за женою. Будь безвыходно въ комнатѣ жены, перечитывай всѣ ея письма, слѣдуй за нею всюду: на гуляньѣ, въ гостяхъ, на балѣ, словомъ, будь ея тѣнью подъ предлогомъ супружеской пѣжности. Подстерегай улыбку, взгляды, прислушивайся къ словамъ ея...

КОЛОНЖЪ. Замолчи, какую ужасную картину представляешь ты... Это будетъ уже не любовь а шпионство... Я отвергаю это. Когда женщина имѣетъ нужду въ надзорѣ, она уже его не стоитъ.

БАРОНЪ. Ну, такъ будь довърчивъ. Аврелія тебя любитъ, и любовь ея будетъ щитомъ, о который притушатся всѣ стрѣлы, привлеченныя ея красотою.

КОЛОНЖЪ. Нѣтъ, мой другъ, такая мысль не успокоитъ ревнивца...

БАРОНЪ. Тсъ! вотъ жена твоя, а съ нею толстякъ Ла-Бертони и непризнанный поэтъ Ренье.

III.

ТѢЖЕ, АВРЕЛІЯ, ЛА-БЕРТОНИ И РЕНЬЕ.

АВРЕЛІЯ. Ну такъ! Не говорила-ли я вамъ? Я была увѣрена, что найду Эрнеста здѣсь. Ты всегда на балѣ ищешь уединенія.

КОЛОНЖЪ. Аврелія, ты знаешь, я ѣзжу на балы изъ угожденія тебѣ; я не люблю ихъ, и боюсь возненавидѣть: они отрываютъ меня отъ любимого, задушевнаго труда.

АВРЕЛІЯ. Но вѣдь по вечерамъ и ночью ты не работаешь...

КОЛОНЖЪ. Вечера я посвящаю тебѣ, а на балахъ ты уже не моя собственность... ты принадлежишь всѣмъ. Ночью надо спать... (*смотритъ на часы*). Два часа! Ты, конечно, еще и не думаешь ѣхать домой?

АВРЕЛИЯ. Помилуй! балъ въ самомъ разгарѣ.

КОЛОНЖЪ. Ну, такъ видишь-ли; дай Богъ къ пяти часамъ добраться намъ до своихъ постелей. Утро надо спать, вмѣсто того, чтобы посвятить его работѣ.

АВРЕЛИЯ. Колонжъ, упреки! и еще въ какую минуту? когда я только любезности этихъ господъ обязана тѣмъ, что едва протолкалась чрезъ эту густую массу народа, съ единственною цѣлью увидѣть тебя, поговорить съ тобою, и сказать, что только тебя не достаетъ къ полному моему веселью.

КОЛОНЖЪ. Упрекать тебя, Аврелия? О, нѣтъ. И за что же? что у насъ разныя мнѣнія,—впрочемъ только объ одномъ предметѣ. Ты меня вспомнила, я счастливъ твоимъ вниманіемъ, и готовъ пробыть на балѣ хоть до восьми часовъ утра. Иди, мой другъ! (*цѣлуетъ жену*) и веселись беззаботно!

АВРЕЛИЯ. Милый Эрнестъ! (*кладетъ платокъ на стулъ и хочетъ застегнуть свою перчатку.*)

КОЛОНЖЪ. Дай я помогу тебѣ. (*въ это время Ла-Бертони читаетъ газету, Ливернуа наблюдаетъ за Ренье.*)

РЕНЬЕ (*у стула, на которомъ лежитъ платокъ*). Цѣлый вечеръ я искалъ случая... вотъ онъ... воспользуемся имъ... (*быстро завязываетъ записку въ платокъ*).

БАРОНЪ. Ренье, я советъ забылъ сказать вамъ, что хозяйка дома просила меня отыскать васъ и прислать къ ней немедленно.

РЕНЬЕ. Зачѣмъ же вы мнѣ этого не сказали раньше?

БАРОНЪ. Поспѣшите исправить мою забывчивость. (*Ренье уходитъ, и оборачиваясь, глядитъ на платокъ*).

IV.

ТѢЖЕ, кромѣ **РЕНЬЕ**; по уходѣ его, Баронъ осторожно прячетъ платокъ.

КОЛОНЖЪ. Ла-Бертони, вы скучаете, я завладѣлъ вашей дамою?

ЛА-БЕРТОНИ. Я терпѣливъ; кажется мнѣ общанъ слѣдующій контрдансъ.

АВРЕЛИЯ. Я помню. А вы, Ливернуа, сегодня не танцуете? Это большая рѣдкость.

БАРОНЪ. Колонжъ былъ грустенъ и задумчивъ; я предпочелъ не оставлять его.

АВРЕЛИЯ. Это очень любезно съ вашей стороны. (*протягиваетъ ему руку, тотъ цѣлуетъ ее*). Вы заслужили эту награду.

ЛА-БЕРТОНИ (*съ досадою*). Онъ родился подъ счастливымъ созвѣздіемъ.

БАРОНЪ (*торжествуя*). Если-бы тутъ и была какая-нибудь жертва, то я вознагражденъ за нее вполне.

АВРЕЛИЯ (*мужу*). Ты грустенъ, а я этого не знала...

КОЛОМЪЖЪ. Да, до твоего прихода мнѣ что-то сгрустнулось, но теперь какъ рукой сняло.

АВРЕЛИЯ: Ты меня не обманываешь?

КОЛОМЪЖЪ. О, конечно нѣтъ!

АВРЕЛИЯ. Ну, такъ прощай. (*дѣлаетъ ему дружескій знакъ рукою*). Я слышу ригурнель... Ла-Бертони! вашу руку. (*Уходитъ съ Ла-Бертони*).

V.

КОЛОМЪЖЪ И БАРОНЪ ЛИБЕРНА.

БАРОНЪ. Мы снова одни... и теперь это очень кстати. (*вынимая платокъ*). На, мой милый, это немного и до тебя касается. А я радъ новому случаю доказать тебѣ преданность и безкорыстную дружбу.

КОЛОМЪЖЪ. Платокъ жены!

БАРОНЪ. Ты узналъ его?

КОЛОМЪЖЪ (*встревоженный*). Н въ немъ записка...

БАРОНЪ. Ну милый мой, какъ ты серьезно принимаешь эти вещи... тутъ надо смѣяться, а не плакать... Ха, ха, ха... Это отважное предпріятіе Фелисьена Ренье, поэта, недавно познакомившагося съ тобою.

КОЛОМЪЖЪ. Посмотримъ, посмотримъ, съ какими выраженіями онъ осмѣливается обратиться къ Аврелии. (*читаетъ*).

БАРОНЪ. Тутъ вѣрно есть всѣ данныя, изъ которыхъ составляются произведенія подобнаго рода: и звѣзды и цвѣты, нимфы вѣютъ крыльями; золотыя арфы звучатъ отъ благовоннаго дыханія вѣтерка, и прочее. Онъ вѣрно, какъ слѣдуетъ автору, исчисляя сокровища, зарытыя въ глубинѣ его сердца, робко высыпаетъ ихъ къ ногамъ любезной... ха, ха, ха!

КОЛОМЪЖЪ. Да замолчишь-ли ты?... не даешь мнѣ кончить. Записка писана такъ мѣлко...

БАРОНЪ. Да, только глазъ женщины и ревнивца можетъ разобрать такой связный почеркъ.

КОЛОЖЪ (*прочитавъ и спрятавъ платокъ и записку*). Худшее изъ всѣхъ состояній—состояніе ревниваго мужа. Для человѣка, занятаго серьезнымъ дѣломъ, красавица жена—сущее наказаніе. Другіе могутъ, по-крайней-мѣрѣ, отдыхать отъ трудовъ, а я долженъ тратить энергію души на глупыя схватки, когда и безъ того изнемогаю отъ труда. Три мѣсяца работалъ я по пятнадцати часовъ въ сутки, торопясь кончить картину къ выставкѣ; сегодня не удалось мнѣ даже пообѣдать. Я оставилъ кисти для того, чтобы сопутствовать женѣ на балъ. Лихорадка мучитъ меня, всѣ предметы прыгаютъ въ глазахъ; сейчасъ тамъ въ залѣ я чуть не заснулъ отъ изнуренія. И что же? Нѣтъ тебѣ покоя, потому—что ты мужъ. Вздумается какому-нибудь праздному дураку обратить вниманіе на твою жену, защищайся... Завидная участь!

БАРОНЪ. Я не понимаю тебя. Ты хочешь, чтобы другіе смотрѣли на жену твою другими глазами, нежели ты самъ. Благовоспитанный мужъ долженъ гордиться успѣхами жены.

КОЛОЖЪ. Въ такомъ случаѣ, я вовсе не благовоспитаю... и мнѣ трудно пересоздать свою натуру.

БАРОНЪ. Но привычка вторая натура, а ты долженъ уже привыкнуть къ побѣдамъ госпожи Коложъ... Знаешь ли, что съ начала зимы это уже девятая?

КОЛОЖЪ. Третьяго дня мы насчитали только семь; если прибавить негодая Ренъе, то всего будетъ восемь.

БАРОНЪ. А другъ вашъ Ла-Бертони? Будьте увѣрены, я не ошибусь въ счетѣ.

КОЛОЖЪ (*съ досадою*). Какъ! и Ла-Бертони!

БАРОНЪ. Да, мой милый, и Ла-Бертони! этотъ толстякъ, котораго вы считаете однимъ изъ преданнѣйшихъ друзей вашихъ. Онъ кричитъ о тебѣ вездѣ, что ты первый живописецъ нашего вѣка, что Орасъ Верне въ сравненіи съ тобою — жалкій маляръ; мудро ли послѣ этого, если онъ захотѣлъ вознаградить себя за похвалы тебѣ ухаживаніемъ за твоею женою. Въ угожденіе ей, Ла-Бертони пустился въ танцы, на что онъ до-сихъ-поръ не отваживался, и чтобы не могли понимать ихъ разговора, говорить съ нею по англійски...

КОЛОЖЪ (*съ грустной усмѣшкой*). И Ла-Бертони!..

БАРОНЪ. И ты противъ меня, Брутъ!.. А изъ девяти вздыхателей я почитаю самымъ опаснымъ Ла-Бертони... Онъ очень уменъ!..

КОЛОЖЪ. Они не дадутъ мнѣ кончить картину... Я найду средство

проучить кого-нибудь изъ этихъ господъ, чтобы показать прочимъ, какъ они должны вести себя.

БАРОНЪ. Что ты, что ты, мой милый! Тебѣ придется повторять не разъ подобные уроки.

КОЛОНИЖЪ. Ну что же? Я повторю ихъ.

БАРОНЪ. И будешь имѣть дѣло съ зернейской гидрой. Вѣрь мнѣ, мирныя средства въ этомъ случаѣ надежнѣе. Брось кровожадные замыслы и позволь мнѣ продолжать роль услужливаго, безкорыстнаго посредника. Надѣюсь, ты будешь доволенъ мною?

КОЛОНИЖЪ. Я даже не знаю, какъ благодарить тебя.

БАРОНЪ. За что? Ты мнѣ доставилъ случай услужить другу и вдоволь повеселиться на чужой счетъ.

КОЛОНИЖЪ. Это тебя забавляетъ?

БАРОНЪ. Чрезвычайно. Не повѣришь, какое удовольствіе я нахожу въ этой войнѣ. Быть на сторонѣ мужа — это оригинально.

КОЛОНИЖЪ (лукаво). И вѣрно тебѣ случается въ первый разъ?

БАРОНЪ (гордо). Конечно; потому-то я думаю это меня такъ и занимаетъ. Притомъ я прожилъ на свѣтѣ около полувѣка; пора мнѣ позаботиться о старыхъ грѣхахъ своихъ и посвятить себя на служеніе нравственности...

КОЛОНИЖЪ. И повѣрь, прекрасный подвигъ твой рано или поздно получитъ вознагражденіе.

БАРОНЪ. Я уже достаточно награжденъ. Развѣ ты считаешь за ничто удовольствіе видѣть, какъ эти господа приходятъ съ вздернутымъ носомъ, а уходятъ, опустивъ голову и хлопая ушами. Ты не видишь этого?

КОЛОНИЖЪ. Развѣ я способенъ видѣть что-нибудь... Но какъ же намъ отдѣлаться отъ этихъ новыхъ шмелей?

БАРОНЪ. Это уже мое дѣло, положишь на меня. Ты знаешь, у меня есть особенный даръ указывать дверь волокитамъ. Не думаю, чтобы эти два были счастливые своихъ предшественниковъ. Дай мнѣ паспортъ, и я ручаюсь, что чрезъ день, много два, ты освободишься и отъ нихъ.

КОЛОНИЖЪ. Что ты называешь своимъ паспортомъ?

БАРОНЪ. Дай мнѣ записку Ренье.

КОЛОНИЖЪ. Но... я не знаю... прилично ли...

БАРОНЪ. Ты мнѣ недовѣряешь? А записка мнѣ необходима.

КОЛОНИЖЪ. Можно узнать, на что она тебѣ? (*отдаетъ ему*).

БАРОНЪ. Узнаешь послѣ. Еще одна просьба. Послѣ-завтра гулянье въ Круа-де-Берни. Г-жа Габріель поѣдетъ туда, и женѣ твоей тоже хочется ѣхать... я это знаю...

КОЛОМЖЪ. Она тебѣ говорила?

БАРОНЪ. Съ твоего позволенія: да, мой милый. Не правда ли, весело быть повѣреннымъ и мужа и жены? Но возвратимся къ нашему дѣлу. Ты долженъ уговорить жену ѣхать съ г-жею Габріель. Это не трудно, когда она напередъ согласна. Съ ними поѣдутъ Ренье, Ла-Бертони и твой покорный слуга. Мы вернемся, и враги твои уже не будутъ существовать.

КОЛОМЖЪ. Но какъ же это?

БАРОНЪ. Покажѣсть это моя тайна.

КОЛОМЖЪ (*подумавъ*). Я знаю по опыту, что обѣщать значитъ для тебя исполнить. Дѣлай, какъ знаешь. Я буду тебѣ благодаренъ.

БАРОНЪ. Надо это сейчасъ устроить, а вотъ кстати и жена твоя. Я оставляю васъ однихъ. (*беретъ Коломжа за руку*). Положись во всемъ на меня. (*уходитъ*).

VI.

КОЛОМЖЪ, одинъ.

Ла-Бертони уменъ, и за словами у него дѣло не станетъ. На него не смотрять, по его слушаютъ, а это уже много. Умныя женщины охотно оказываютъ эту милость не красивымъ, но умнымъ мужчинамъ. Слушая ихъ, онѣ обыкновенно закрываютъ глаза, какъ кошка, у которой чешутъ за ухомъ. Что касается до Ренье, то импровизация, какъ видно, не далась ему; онъ хранитъ краснорѣчивое молчаніе, сохраняя байроновскія позы... но зато какимъ восторженнымъ слогомъ онъ пишетъ... Я это ужъ знаю. Женщинамъ съ воображеніемъ часто нравятся эти пачкуны съ блѣднымъ лбомъ и сверкающими глазами... Изволь вѣрить женщинамъ послѣ этого...

VII.

КОЛОМЖЪ и АВРЕЛІА.

АВРЕЛІА. Эрнестъ, ты и не вздумалъ придти ко мнѣ.

КОЛОМЖЪ. Да развѣ это возможно въ такой давкѣ? Дамамъ все же легче, вамъ даютъ дорогу, предъ вами разступается толпа. Впрочемъ,

я только что о тебѣ говорилъ: Ливернуа сказалъ мнѣ, что завтра гулянье въ Круа-де-Берни, и что ты желаешь туда ѣхать...

АВРЕЛІА. Да... если ты позволишь.

КОЛОНЖЪ (*съ усмѣшкой*). Еслибы кто подслушалъ насъ теперь, то могъ бы подумать, что я полный хозяинъ въ домѣ. Я подозреваю однакоже, что ты хочешь что-нибудь у меня выпросить... ну говори...

АВРЕЛІА. Эрнестъ, ты поѣдешь съ нами...

КОЛОНЖЪ. Аврелія, умилосердись, а картина?

АВРЕЛІА. Вѣчно эта картина! Еслибы вы знали, какъ я ненавижу живопись, вы бы мнѣ не стали безпрестанно говорить о вашей несносной картинѣ...

КОЛОНЖЪ (*шутливо*). Однако, можно ненавидѣть живопись и любить живописца...

АВРЕЛІА. Да, если онъ этого стоить.

КОЛОНЖЪ. Научи же меня, что мнѣ для этого дѣлать?

АВРЕЛІА. Ёхать съ нами; ужъ вѣрно вы можете пожертвовать мнѣ однимъ утромъ.

КОЛОНЖЪ. Еслибы ты могла понять Аврелія, какъ я боюсь даже мысли, что цѣлое утро завтрашняго дня будетъ потеряно для моего труда... Кончу картину и буду весь къ твоимъ услугамъ...

АВРЕЛІА (*перебивая*). Оставимъ это. Скоро четыре часа, я устала; велите подать карету. (*Колонжъ со всѣхъ ногъ бросается къ двери*).

VIII.

АВРЕЛІА, одна.

АВРЕЛІА. Изъ всѣхъ приказаній, даваемыхъ мужу женою, ни одно, кажется, не исполняется съ такою готовностью, какъ приказаніе въ гостяхъ подать экипажъ. О мужья! мужья!.. Самый лучший изъ васъ эгоистъ и...

IX.

АВРЕЛІА И КОЛОНЖЪ, во возвращаясь.

КОЛОНЖЪ. Я приказалъ, чтобы карета выбралась изъ рядовъ, но намъ придется подождать еще нѣсколько времени. (*садится*). Я такъ

утомленъ, что едва могу стоять на ногахъ. Четыре часа! Боже милостивый!

АВРЕЛИЯ. А знаешь ли, у г-жи Габріель на балу водятся воры; у меня пропалъ платокъ, и я нигдѣ не могла отыскать его.

КОЛОНЖЪ. Ты его забыла тутъ на стулѣ. (*вынимаетъ и подаетъ ей платокъ*).

АВРЕЛИЯ. А я не могла понять, куда онъ могъ дѣваться. (*Колонжъ протягиваетъ ноги и располагается въ креслахъ самымъ спокойнымъ образомъ. Молчаніе*).

АВРЕЛИЯ (*съ досадою*). Чудесный балъ!..

КОЛОНЖЪ (*зъвал*). Да... чу... десный!

АВРЕЛИЯ. Кто это увѣряетъ, что балы могутъ наскучить, не вѣрю... (*съ намъпреніемъ*). Я буду ѣздить на балы до семидесяти лѣтъ, и всегда съ одинаковымъ удовольствіемъ.

КОЛОНЖЪ (*потягиваясь*). Значитъ тебѣ было весело?

АВРЕЛИЯ. О да, я не пропустила ни одного танца.

КОЛОНЖЪ (*равнодушно*). Ты танцевала съ Ла-Бертони?

АВРЕЛИЯ. Три раза. Какой милый, умный, образованный человекъ.

КОЛОНЖЪ. Да, Ла-Бертони столько же уменъ, сколько толстъ.

АВРЕЛИЯ. Мнѣ не показалось, что онъ толстъ. У него даже хорошая талія, ловкіе приемы, онъ вообще прекрасный 'мужчина. (*Молчаніе*). Г-жа Габріель должна быть довольна своимъ баломъ; все шло какъ нельзя лучше. Сколько прелестныхъ женщинъ, ловкихъ кавалеровъ. Кстати о мужчинахъ. Слышала ты, что Ренье издаетъ свои стихотворенія подъ названіемъ: «Туманы и росы». Чудо, говорятъ, а не стихи; мнѣ говорили, что самъ Ламартины почелъ бы за честь выставить подъ нимъ свое имя. (*Замѣтивъ, что мужъ заснулъ, съ шпвомъ*). Да онъ заснулъ!.. Еслибы я стала ему говорить о картинѣ его, онъ вѣрно не успелъ бы, несмотря на усталость... Кромѣ живописи, его ничто не занимаетъ. Пусть за мной ухаживаютъ, пусть разставляютъ мнѣ сѣти, для него все равно, онъ и не замѣтитъ. Быть вмѣстѣ съ женою, трепетать за потерю любви ея, ревновать... это тягостный трудъ для человека, который преданъ только искусству. Живопись, слава! я васъ ненавижу. Одного недоставало—спать, когда я говорю съ нимъ. Рѣшено! (*плачетъ*) я не люблю его...

X.

ТѢМЪ ЖЕ П СЛУГА.

Карета г-жи Колонжъ! (*уходитъ*).

XI.

КОЛОМЖЪ и АВРЕЛІЯ.

АВРЕЛІЯ (*толкая мужа*). Карета подана, сударь. (*уходитъ*).
 КОЛОМЖЪ (*вскакивал*). Ёдемъ, ёдемъ! (*бѣжитъ за нею*).

ДѢЙСТВІЕ II.

Освѣщенная гостиная у г-жи Коломжъ.

I.

КОЛОМЖЪ и БАРОНЪ ЛИБЕРНА.

КОЛОМЖЪ. А! наконецъ-то вы вернулись съ этого гулянья! Чтѣ-жъ, велико было стеченіе народа въ Круа-де-Берни? по я... не вижу Авреліа?

БАРОНЪ. Она пошла въ уборную сбросить шляпку и мантилью.

КОЛОМЖЪ. Но обѣдали ли вы? Ужъ вечеръ; я не могъ придумать, куда вы всё пропали.

БАРОНЪ. Мы всё, по приглашенію, обѣдали у г-жи Габріель, а оттуда опять всё приглашены къ г-жѣ Коломжъ, провести вечеръ и поболтать еще о бывшемъ гуляньѣ. Твоя Аврелія сердита на тебя не на шутку, и я подозрѣваю тутъ не одну только причину отказа твоего сопутствовать ей...

КОЛОМЖЪ. Но чтѣ-же другое?

БАРОНЪ. Не знаю, а сильно подозрѣваю Ла-Бертони... онъ клеветникъ. Кстати, я принесъ тебѣ очень много забавныхъ новостей.

КОЛОНЖЪ. А именно?

БАРОНЪ. И ты не догадываешься? О чемъ же можетъ быть у насъ рѣчь, какъ не о плачевномъ поражениі нашихъ двухъ рыцарей.

КОЛОНЖЪ (*смыется*). Ахъ, да, что-жь опи? говори скорѣе.

БАРОНЪ. Приказали долго жить.

КОЛОНЖЪ. Какимъ-образомъ? Ты не хотѣлъ до-сихъ-поръ передать мнѣ рецепта, какъ легче и проще отдѣлаться отъ враговъ. Будь сегодня менѣе скрытешъ. Мы одни, я не измѣню тебѣ.

БАРОНЪ (*важно*). Любезный другъ, если тебѣ этого непременно хочется, я готовъ передать тебѣ искусство моей тактики въ борьбѣ съ врагами. Она очень проста. Вотъ вамъ моя метода въ двухъ словахъ. Ахилесъ не былъ уязвляемъ нигдѣ, кромѣ пяты; такъ и у всякаго человѣка, какъ-бы онъ силенъ ни былъ, есть въ его характерѣ, умѣ, вообще его личности, такое мѣсто, которое для него тоже, что незакаленная пятка была для Ахилеса.

КОЛОНЖЪ. Напримѣръ, говоря твоимъ языкомъ, гдѣ же пятка у Ла-Бертони?

БАРОНЪ. Въ его толщинѣ. Онъ уменъ, хитеръ и пронырливъ; но тученъ и нескладенъ, какъ бочка. Съ этой стороны я и попалъ на него.

КОЛОНЖЪ. Какъ же это?

БАРОНЪ. Онъ ослабилъ значительно уже успѣхъ своего краснорѣчія тѣмъ, что пустился въ танцы, при чемъ оказался совершеннымъ ученикомъ; мнѣ стоило только дать ему идти далѣе по этой ухабистой дорогѣ, гдѣ, наконецъ, онъ и сломилъ себѣ шею. Сегодня я нарочно съѣлъ на Гризельду, ты знаешь мою лошадь Гризельду? она любитъ пошалить и попрыгать. Ла-Бертони красовался въ коляскѣ г-жи Габриель, и, я думаю, очень ловко любезничалъ съ г-жею Колонжъ, которая сидѣла противъ него. Не доѣзжая до Берни, я сталъ жаловаться на усталость и просилъ толстяка уступить мнѣ мѣсто въ коляскѣ, и съѣсть на мою лошадь. Дурное расположеніе г-жи Колонжъ помогло его рѣшимости. Онъ въ простотѣ души согласился, и тутъ-то началась драма. Едва мы успѣли размѣняться мѣстами, какъ мой грумъ, повинувъея сигналу, заранѣе условленному, пускаетъ свою лошадь во весь опоръ по полямъ, какъ-будто она понесла его. Гризельда, которая не любитъ отставать, мчится во весь духъ, по слѣдамъ ея, и тогда... тогда, мой другъ, чтобы передать тебѣ подобную сцену, мнѣ нужна твоя кисть. Представь себѣ несчастнаго Ла-Бертони, который съ багровымъ лицомъ, съ налитыми кровью глазами, съ волосамц, похожими на хвостъ кометы, мечется въ сѣдлѣ изъ стороны въ-сторону, то вспрыгнетъ на загривокъ, то отскочнетъ къ хвосту, и наконецъ, въ отчаяніи, бросивъ по-

вотъ, хватается за гриву. Черезъ нѣсколько минутъ, рыцарь теряетъ стремена, потомъ хлыстикъ, потомъ шляпу, наконецъ и голову, и исчезаетъ въ глубинѣ рва, впрочемъ, благодаря грязи, довольно мягкаго, куда мой грумъ и старался привлечь его. (*хохочетъ*).

КОЛОНЖЪ. Но въ этой игрѣ ты рисковалъ сломать ему шею?

БАРОНЪ. Я рисковалъ еще болѣе: онъ могъ изувѣчить мою Гризельду, которая не привыкла таскать на себѣ такія горы.

КОЛОНЖЪ. Что-жъ дѣлали дамы?

БАРОНЪ. Какъ водится, сперва ахнули, потомъ ничѣмъ нельзя было остановить ихъ смѣха. Послѣ такого урока въ волтижированіи, мужчина, будь у него умъ, положимъ, хоть Вольтера, становится поневолѣ смѣшнымъ; а ты знаешь, прощаетъ ли когда-нибудь умная женщина смѣшному. Толстый Ла-Бертони, барахтающійся въ грязи, такая добыча, которую самая отъявленная кокетка выбросила бы изъ сѣтей своихъ. А тѣмъ болѣе женщина добродѣтельная. Его уже нечего намъ бояться. *Vixit!*

КОЛОНЖЪ. А у другаго Ахилеса, Фелисіена Ренье, есть-ли пятка, незакаленная въ Стиксѣ?

БАРОНЪ. Ренье, весь пятка, съ головы до ногъ. Незнаіе свѣта, чванство, тщеславіе, идиллическая сентиментальность... Готова ударъ, я долго не рѣшался на выборъ, и чтобы не тратить труда по пустякамъ, набросилъ поэту первую петлю, которая мнѣ попалась подъ руки. О, съ нимъ я поступилъ милостиво, какъ всегда поступаютъ съ ничтожествомъ.

КОЛОНЖЪ. Какую петлю?

БАРОНЪ. Г-жу Габріель, и она его задушитъ, повѣрь мнѣ.

КОЛОНЖЪ (*изумленный*). Г-жу Габріель?

БАРОНЪ. Г-жу Габріель, и ручаюсь тебѣ, эта петля мастерски исполнить свое дѣло. Ты знаешь виконтесу... она сентиментальна, съ легко воспламеняющимся сердцемъ.

КОЛОНЖЪ. Что-же изъ этого?

БАРОНЪ. А то, что въ отношеніи съ ней я поступилъ истинно дружески; я толкаю къ ней въ объятія поэта!..

КОЛОНЖЪ. Объяснись, пожалуйста.

БАРОНЪ. Въ двухъ словахъ. Госпожу Габріель зовутъ также Авреліей.

КОЛОНЖЪ. Что-жъ потомъ?

БАРОНЪ. Какъ, развѣ ты не догадываешься?

КОЛОНЖЪ. Нисколько.

БАРОНЪ. Живопись рѣшительно подавила въ тебѣ способность соображенія. Ну, мой милый, если тебѣ надобно все пояснить, такъ знай,

что для сочетанія этихъ двухъ душъ, созданныхъ какъ-будто бы нарочно другъ для друга, мнѣ стоило перемѣстить извѣстную тебѣ записку изъ одного платка въ другой.

КОЛОНЖЪ (*хохочетъ*). И это письмо получила г-жа Габріель?

БАРОНЪ. Съ отверзтыми объятіями, повѣрь мнѣ. Для такихъ характеровъ пріятно быть предметомъ страсти вулканической. Виконтеса не можетъ опомниться отъ своего счастья; она сегодня цѣлый день только и бредитъ поэзіей, закатывающимся солнцемъ, паденіемъ листьевъ, вечернимъ вѣтеркомъ, сіяніемъ луны, гармоніей душъ.

КОЛОНЖЪ. И Ренье знаетъ это?

БАРОНЪ. Тѣмъ-то и забавите, что нѣтъ. Онъ былъ восхитителемъ отъ изумленія, глупости и досады.

КОЛОНЖЪ. Но онъ узнаетъ объ этой мистификаціи, и очень легко избѣгнетъ преслѣдованій г-жи Габріель.

БАРОНЪ. Нѣтъ, я разбилъ его на голову, а г-жи Габріель не избѣгнешь; пусть Ренье отбивается сколько хочетъ, а она все-таки составитъ его счастье и будетъ его Беатриче. (*хохочетъ*).

II.

ТѢЖЕ И ЛА-БЕРТОНИ

КОЛОНЖЪ. А, это вы, Ла-Бертони, очень радъ васъ видѣть. Я боялся, чтобы сегодняшнее происшествіе не заставило васъ просидѣть нѣсколько дней дома.

ЛА-БЕРТОНИ. Такъ г. Лявернуа уже успѣлъ рассказать вамъ о своихъ проказахъ? Теперь понимаю этотъ смѣхъ, который я слышалъ, еще входя на лѣстницу.

БАРОНЪ. Что вы называете моими проказами?

ЛА-БЕРТОНИ. Вашими проказами я называю сѣти, которыя вы мнѣ такъ ловко сегодня разставили, посадивъ меня на бѣшеную лошадь. Такой похвальный поступокъ не можетъ остаться безъ награды. (*Баронъ и Колонжъ изумлены этими словами*). Что-же вы не смѣетесь, господа; я не мѣшаю вамъ; вы были такъ веселы передъ моимъ приходомъ.

КОЛОНЖЪ (*принужденно*). Мы веселы и теперь.

ЛА-БЕРТОНИ (*небрежно развалившись въ креслахъ*). Ну такъ станемте же смѣяться.

КОЛОНЖЪ. Пожалуй, только напередъ надо знать надъ чѣмъ?

ЛА-БЕРТОНИ. Вы вѣрно хотите сказать надъ кѣмъ? это будетъ опредѣлительнѣе.

КОЛОНЖЪ. Пожалуй, надъ кѣмъ, если это вамъ больше правится.

ЛА-БЕРТОНИ. Надъ всѣми, чтобы не оскорблять никого, и въ доказательство того, какъ я добръ, позволяю начать съ меня.

КОЛОНЖЪ (съ любезностью). Съ тѣмъ однако, чтобы и до насъ дошла очередь.

ЛА-БЕРТОНИ. Разумѣется, вы ничего не потеряете въ ожиданіи; будьте спокойны. Но возвратимся ко мнѣ. Лошади барона Ливернуа заблагоразсудилось сбросить меня сегодня въ грязь. Не могу объяснить, что происходило во мнѣ, когда я, полунизбитый, вышачканный, поднялся на ноги и услышалъ раскаты смѣха, возбужденнаго моимъ забавнымъ приключеніемъ. Мнѣ казалось, что обстоятельства, посылая мнѣ такое уничиженіе, хотѣли наказать меня за прошлую вину мою, и въ то же время предупредить, чтобы я не грѣшилъ впередъ, а потому я хочу съ сокрушеннымъ сердцемъ признаться вамъ, любезный Колонжъ, въ чемъ я провинился предъ вами.

БАРОНЪ (всторону). Что за ударъ онъ готовитъ мнѣ?

ЛА-БЕРТОНИ. Признаніе мое покажется вамъ, конечно, страшнымъ; мужья не всегда имѣютъ случай слышать подобныя признанія. Быть-можетъ, мое покаяніе возбудитъ въ васъ гнѣвъ; но я надѣюсь, что истинное сознаніе вины и твердая рѣшимость исправиться заставятъ васъ быть снисходительнымъ. Знайте же, любезный Колонжъ, что, презрѣвъ священную дружбу, насъ соединяющую, я готовъ былъ нанести вамъ оскорбленіе, по-крайней-мѣрѣ мысленно. Благоразуміе и совѣсть со мною, а сердце такъ часто увлекается. Г-жа Колонжъ такъ прекрасна.

КОЛОНЖЪ. Что же можетъ быть общаго между вашимъ признаніемъ и моею женою.

ЛА-БЕРТОНИ (сильно вздохнувъ). Увы, мой добрый другъ! Жена-то ваша и довела меня до признанія; безъ нея, въ чемъ же я могъ упрекать себя? Словомъ, вотъ вамъ мое преступленіе. Около двухъ недѣль, смущаемый прельщеніемъ дьявольскимъ, и позабывъ, что жена друга существо священное, я питалъ въ сердцѣ своемъ непозволительную страсть, которую горько теперь оплакиваю; наконецъ, если уже надо назвать вещи по имени: я былъ влюбленъ въ г-жу Колонжъ.

КОЛОНЖЪ (очень равнодушно). Въ-самомъ-дѣлѣ?

ЛА-БЕРТОНИ (всторону). Онъ равнодушенъ, онъ знаетъ все; кто, кромѣ разбойника Ливернуа, могъ донести на меня? Эта измѣна непростительна. *(вслухъ).* Исповѣдь моя кончена, сознаю вину мою и чисто-сердечно раскаяваюсь. Дѣвренъ что найду въ васъ друга благороднаго

и великодушнаго. Вы можете въ этомъ случаѣ дѣйствовать тѣмъ смѣлѣе, что на дняхъ я ѣду въ Италію. Отъѣздъ мой доказываетъ вамъ чистоту моихъ намѣреній.

КОЛОНИЖЪ. Что скажете на это, баронъ?

БАРОНЪ. Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость.

КОЛОНИЖЪ (*смѣясь*). Примите же отъ меня полное прощеніе. Такое раскаяніе нынче рѣдкость и потому не можетъ не заслужить прощенія.

ЛА-БЕРТОНИ. Вотъ истинное величіе души. (*Схвативъ руку Колонжя*). Вы Августъ, прощающій Цинну. Баронъ, неужели такое зрѣлище не можетъ васъ тронуть? Нѣтъ, не сердце, а ледъ бьется въ груди вашей, если въ эту минуту вы не чувствуете, что наслажденіе дружбы чище всѣхъ наслажденій, какія только даны человѣку! Баронъ! послѣдуйте благородному влеченію, которое я читаю въ глазахъ вашихъ. Еслибы знали вы, какъ пріятно съ чистою совѣтью жать руку друга! Быть-можетъ васъ удерживаетъ боязнь? Но вы видите, какъ Колонжъ великодушенъ. При первомъ словѣ раскаянія вашего, его объятія будутъ открыты вамъ, такъ какъ и мнѣ, я увѣренъ въ этомъ (*всторону*). Отрази этотъ ударъ, если можешь.

БАРОНЪ (*растерявшись*). Я не знаю, что вы хотите этимъ сказать.

ЛА-БЕРТОНИ. Ахъ баронъ, баронъ! Какъ, вы упорствуете въ своихъ темныхъ и коварныхъ намѣреніяхъ даже и теперь, когда я, вичекъ вашъ по лѣтамъ, подалъ вамъ спасительный примѣръ возвращенія на стезю добродѣтели? Такое ожесточеніе не говоритъ въ вашу пользу. Неужели вы рѣшились умереть нераскаяннымъ грѣшникомъ?

БАРОНЪ (*випъ себя*). Государь мой, если вы хотите сказать мнѣ что-нибудь особенное, то мы можемъ объясниться не здѣсь.

КОЛОНИЖЪ. Почему-жъ не здѣсь? Лишнихъ здѣсь нѣтъ никого. Ну, говорите же, Ла-Бертони, что сдѣлалъ другъ нашъ баронъ, и чѣмъ заслужилъ опъ названіе нераскаяннаго грѣшника?

ЛА-БЕРТОНИ. Что онъ сдѣлалъ? Да не онъ ли, благодаря искусству лошади, такъ хорошо пзучившей науку ломать людямъ шею, былъ первымъ виновникомъ моего раскаянія? Можно ли позабыть подобную услугу? А чѣмъ лучше, я могу доказать ему мою благодарность, какъ не пзвлеченіемъ его изъ той пронасти, къ которой не далѣе, какъ вчера, стремился и я. Да, баронъ можетъ сколько ему угодно хмурить брови и смотрѣть на меня глазами ястреба, а я все-таки выведу васъ на путь добродѣтели, хотя бы и противъ вашей воли. Мы грѣшили вмѣстѣ и каяться должны вмѣстѣ же. Вѣдь вы также, какъ и я, ухаживали за г-жею Колонжъ?

БАРОНЪ. Шутка эта выходитъ уже изъ границъ; вы забылись, сударь!

ЛА-БЕРТОНИ. Нисколько, увѣряю васъ; я очень хорошо знаю, что говорю, и не могу понять вашей вспыльчивости. Неужели вы станете запирается въ любви къ женѣ вашего лучшаго друга?

БАРОНЪ. Колонжъ, неужели наконецъ ты не понимаешь всего неприличія такихъ выходокъ? Мы у тебя въ домѣ, и ты слушаешь ихъ такъ равнодушно.

КОЛОНЖЪ. Баронъ правъ; этотъ споръ кажется мнѣ несовсѣмъ умѣстнымъ. Имя жены моей не должно здѣсь играть никакой роли, и мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы, Ла-Бертони, перемѣнили предметъ разговора.

ЛА-БЕРТОНИ (*принужденно смѣясь*). Такъ вотъ вы какой мужъ! Хорошо же, оставимъ это. Съ моей стороны было бы слишкомъ жестоко продолжать смущать ваше блаженное спокойствіе. Если вы любите отогрѣвать у себя на груди змѣй—вамъ никто не мѣшаетъ. Есть люди, которымъ хочется самимъ, чтобы ихъ кусали; можетъ-быть вы изъ такихъ людей! Въ такомъ случаѣ, говоря языкомъ Шекспирова крестьянина Клеопатрѣ: Я желаю вамъ всякаго веселья съ вашимъ аспидомъ. Что же касается до васъ, любезный баронъ, то скажу вамъ еще одно слово: Вы конечно слышали пословицу: долгъ платежемъ красенъ... съ вашего, даже безъ вашего позволенія, я употреблю все, чтобы оправдать ее относительно васъ на дѣлѣ. Вы мнѣ вредили сколько могли; я буду вредить вамъ столько же. Надѣюсь впрочемъ, что мы попрежнему останемся друзьями.

КОЛОНЖЪ. Замолчите, господа, сюда идетъ жена моя.

III.

ПРЕЖНІЕ и АВРЕЛІЯ, ПОТОМЪ ГАБРИЕЛЬ.

АВРЕЛІЯ (*холодно*). Здравствуй, Эрнестъ!

КОЛОНЖЪ (*хочетъ взять ея руку, она отнимаетъ*). Я слышалъ гулянье было многолюдно, оживлено.

АВРЕЛІЯ. О, да, было очень весело. (*смотритъ въ дверь*). А, наконецъ вотъ и г-жа Габріель. (*идетъ къ ней навстрѣчу*). Благодарю, Аврелія, что ты мнѣ не измѣнила.

ГАБРИЕЛЬ. Развѣ это было можно? Мы положили цѣлый день провести вмѣстѣ. Ты доставила мнѣ удовольствіе видѣть тебя за мопмъ

столомъ, могла ли я не явиться на твое милое приглашеніе выпить съ тобою чашку чаю и докончить въ твоей бесѣдѣ такой пріятный день? Здравствуйте, Колонжъ, а вы намъ измѣнили?

КОЛОНЖЪ. Вы знаете мои занятія...

АВРЕЛІЯ. А вотъ и послѣдній гость намъ!

ГАБРИЕЛЬ (*плъжно*). Ренье!

IV.

ПРЕЖНІЕ П РЕНЬЕ.

РЕНЬЕ. Я, кажется, немного опоздалъ, но мнѣ необходимо было захватить домой, а это не близко отсюда—поэтому прошу снисхожденія.

АВРЕЛІЯ. Полноте, Ренье, безъ церемоній и лишннихъ извиненій. (*Дамы располагаются на диванъ, кругомъ ихъ мужчины*).

РЕНЬЕ (*на авансцену*). Любезна и обходительна! Я просто ничего не понимаю. Не сердитесь, какъ будто и не получала моей записки. Ея равнодушіе убиваетъ меня. О, какъ бы я предпочелъ ему гнѣвъ ея, даже насмѣшку.

АВРЕЛІЯ. Господа, я замѣчаю, что вы все какъ-то не въ духѣ. Баронъ, гдѣ ваша непостижимая веселость? Ла-Бертони и вы что-то хмуритесь, не сговорились ли вы?

БАРОНЪ (*Аврелии*). И васъ нельзя упрекнуть сегодня въ особенной веселости.

ЛА-БЕРТОНИ. Я не могу еще оправиться отъ своего несчастнаго паденія. (*Дамы смѣются*). Смѣйтесь, смѣйтесь, mesdames, не сдерживайте порывовъ вашего веселья; пусть хоть оно поможетъ вамъ согнать уныніе, замѣтное на всехъ лицахъ. Взгляните и на барона; онъ какъ-будто ожидаетъ своей очереди разсмѣшить васъ; я ужъ вѣрно не послѣдній; очередь можетъ дойти и до другихъ. Я это ему предрекаю...

КОЛОНЖЪ (*перебивая*). Гдѣ намѣрены вы пить чай, здѣсь или на террасѣ?

ГАБРИЕЛЬ. Вечеръ безидеальный, полное сіяніе луны! на террасѣ, конечно на террасѣ. Не правда ли, Аврелия?

АВРЕЛІЯ. О, безъ сомнѣвія, если это только тебѣ пріятно.

КОЛОНЖЪ. Такъ я иду отдать нужныя приказанія и ожидаю васъ, (*Уходитъ*).

ГАБРИЕЛЬ. Ренье, подите къ намъ поближе, что вы тамъ такъ задумались. Ужъ не располагаетъ ли воздухъ Круа-де-Берни къ уны-

лой задумчивости? Сядьте сюда поближе, любезный поэтъ. Недавно я читала переводъ Петрарки, и это подадо мнѣ мысль учиться итальянскому языку. Стихи въ переводѣ теряютъ такъ много. Вы любите Петрарку, Ренье?

РЕНЬЕ (*надутю*). Да, послѣ Данта однако, это мой любимый поэтъ.

ГАБРИЕЛЬ. Дантъ, что за геій! Бари сдѣлалъ его бюстикъ, и я непременно куплю его для столовыхъ часовъ.

РЕНЬЕ (*напыщенно*). Не бюстиковъ, а монументовъ достойны подобные люди!

ГАБРИЕЛЬ (*нѣжно*). Но скажите, пожалуста, неужели, въ сердцахъ этихъ классическихъ пѣвцовъ любовь въ-самомъ-дѣлѣ могла занимать такое важное мѣсто, какъ говорятъ о томъ ихъ сочиненія? Вѣдь нѣжность и чувствительность не всегда бывають удѣломъ умовъ возвышенныхъ. Напримѣръ лордъ Байронъ.

РЕНЬЕ. Въ этомъ отношенія я выдаю вамъ Байрона головою, не смотря, что нѣкогда онъ былъ однимъ изъ моихъ образцовъ. Но пламя, горѣвшее въ сердцахъ Данта и Петрарки, не можетъ быть подвержено никакому сомнѣнію. (*глядя на г-жу Коломжъ*). Ссылаюсь на Лауру и Беатриче, эти двѣ свѣтозарныя звѣзды поэтического нѣба; безъ нихъ слава пѣвцовъ ихъ была бы неполна; геій безъ любви тоже, что годъ безъ весны. (*встаетъ и идетъ на авансцену*). Она и не слушаетъ и не взглянетъ, а я цѣлкомъ сказалъ фразу изъ записки.

ГАБРИЕЛЬ. Лаура и Беатриче! Отъ этихъ именъ вѣтъ какимъ-то благоуханіемъ, которымъ женщины опасно дышать долго. Но если страсть можетъ казаться извинительною, то не тогда ли, когда она такъ очищена, облагорожена, возвышена? Плънительно изображеніе розы, цвѣтущей на лаврѣ, красоты увѣковѣченной геіемъ.

РЕНЬЕ (*на противоположной сторонѣ сцены*). Тутъ вмѣшался самъ сатана. Роза, цвѣтущая на лаврѣ, это моя мысль; она не изъ числа тѣхъ обыкновенныхъ, пошлыхъ мыслей, которыя всякому могутъ придти въ голову... тутъ должна быть ужасная ошибка.

ГАБРИЕЛЬ. Не забудьте же, Ренье, что вы обѣщались пріѣхать ко мнѣ прочесть ваши стихотворенія; мнѣ очень бы хотѣлось утолить себя вашими «туманами и росами».

РЕНЬЕ. Я долгомъ поставлю сдержать свое обѣщаніе.

ЛА-БЕРТОНИ (*тихо Ренье*). О, вы человекъ опасный!

БАРОНЪ. Однако, mesdames, Коломжъ насъ ждетъ.

ГАБРИЕЛЬ (*глядя на Ренье*). Въ-самомъ-дѣлѣ, луна ожидаетъ насъ, чтобы облить своимъ перламутровымъ свѣтомъ. Аврелія, пойдемъ.

(*Аврелія машинально повинуется, Баронъ слѣдуетъ за ними*).

V.

ЛА-БЕРТОНИ и РЕНЬЕ.

ЛА-БЕРТОНИ. Да, повторяю, вы человекъ опасный! Самъ Ловеласъ ловилъ всегда только одного зайца; а вы, кажется, разомъ хотите поймать двухъ? О, какія бомбы и ракеты пускаетъ въ васъ съ своей батареи г-жа Габріель! Если ваше сердце не превратилось въ рѣшето, то на немъ должна быть очень толстая кожа.

РЕНЬЕ. А мнѣ что за дѣло до бомбъ и ракетъ г-жи Габріель: Я васъ не понимаю.

ЛА-БЕРТОНИ. Вотъ прекрасно! Какъ-будто не понимаете. Послушайте, будьте откровенны со мною, я буду откровененъ съ вами, и это послужитъ, можетъ-быть, къ общей нашей пользѣ. Чтобы дать вамъ примѣръ откровенности, я начну первый. На этихъ дняхъ я порядочно-таки досаждалъ вамъ, ухаживая за г-жею Колонжъ ..

РЕНЬЕ. Что жъ тутъ досаднаго?

ЛА-БЕРТОНИ. Дайте мнѣ кончить. Вы почитали меня своимъ соперникомъ, и назадъ тому нѣсколько времени, можетъ-быть, вы были правы; но теперь я вамъ не мѣшаю: я бросаю эту игру, и желаю вамъ въ ней всевозможныхъ успѣховъ.

РЕНЬЕ. Это довольно быстрая перемѣна!

ЛА-БЕРТОНИ. Однако объяснить ее не трудно. Я другъ Колонжу и потому, пораздумавъ, увидѣлъ, что любовь къ женѣ его была бы съ моей стороны несовсѣмъ похвальнымъ поступкомъ.

РЕНЬЕ. Вѣроятно маленькая неприятность, которая съ вами случилась сегодня, еще болѣе утвердила васъ въ такой добродѣтельной рѣшимости?

ЛА-БЕРТОНИ (*грубо, съ досадою*). Вы видите сами, что между мною и вами не можетъ быть соперничества.

РЕНЬЕ. Но его никогда и не было, клянусь вамъ; съ чего вы взяли, что я влюбленъ въ г-жу Колонжъ?

ЛА-БЕРТОНИ. Рассказывайте, любезнѣйшій; меня вы не переувѣрите! Я представлю вамъ такіе факты, какихъ вы не ожидаете, и они докажутъ вамъ, какъ бесполезна скрытность со мною.

РЕНЬЕ. Напримѣръ?

ЛА-БЕРТОНИ. Я ограничусь однимъ; запретесь ли вы, что вчера на балѣ у г-жи Габріель, вы очень ловко умѣли похитить платокъ Аврелии.

РЕНЬЕ (*съ сильнымъ смущеніемъ*). Какъ! у г-жи Колонжъ украли платокъ?

ЛА-БЕРТОНИ. Вотъ еще! какъ-будто вы не знаете. (*всторону*) Какъ онъ встревоженъ. Тутъ что-нибудь да кроется.

РЕНЬЕ. Но увѣрены ли вы въ томъ, что говорите?

ЛА-БЕРТОНИ. Если вы не виноваты въ этомъ похищеніи, то я знаю только одного человѣка, который могъ себѣ позволить такую шалость.

РЕНЬЕ. Кто же это?

ЛА-БЕРТОНИ. Тотъ, кто сейчасъ оттуда вышелъ и кто тамъ, на террасѣ забавляется на нашъ счетъ: баронъ де-Ливернуа.

РЕНЬЕ. Ливернуа! А, теперь я все понимаю! Вотъ отчего онъ меня вызвалъ изъ залы, обманувъ, будто г-жа Габріель хочетъ говорить со мною!

ЛА-БЕРТОНИ. Но я не понимаю, зачѣмъ ему было удалять васъ? Развѣ вы стерегли платокъ?

РЕНЬЕ. Больше. (*послѣ нѣкоторой нерѣшимости*) Вамъ почти все уже извѣстно, и мнѣ скрыватья бесполезно. Знайте, что вчера, когда случилась эта пронажа, — я вложилъ въ платокъ записку.

ЛА-БЕРТОНИ. Ай, ай, неужели вы позволяете себѣ такія ребячества? Я васъ считалъ взрослымъ человѣкомъ... Ваше посланіе, вмѣсто ручекъ г-жи Колонжъ, попалась, по всей вѣроятности, въ руки Ливернуа.

РЕНЬЕ (*запальчиво*). Онъ мнѣ отдастъ его, хотя бы для этого надобно было вырвать его со шпагою въ рукахъ!

ЛА-БЕРТОНИ. Вы видите, что объясненіе тутъ необходимо. Я и самъ хочу наказать Ливернуа. Неужели мы вдвоемъ не можемъ дать ему урока, котораго онъ вполне заслуживаетъ.

РЕНЬЕ. Такъ и онъ влюбленъ въ г-жу Колонжъ?

ЛА-БЕРТОНИ. А вы этого до сихъ-поръ и не замѣчали? Не даромъ же рисуютъ амура съ повязкою на глазахъ! Да, любезный поэтъ, онъ вашъ соперникъ.

РЕНЬЕ. *Наизъ* вы хотите сказать?

ЛА-БЕРТОНИ. Вы знаете, я выключенъ изъ списка; я въ отставкѣ.

РЕНЬЕ. Такъ ли полно?

ЛА-БЕРТОНИ. Честное слово, и въ доказательство, я готовъ, безъ дальнихъ разсужденій, служить вамъ, чѣмъ могу. Если ужъ суждено Колонжу узнать несчастье, то пусть лучше онъ терпитъ отъ васъ, нежели отъ этой хитрой, старой лисицы. Жаль смотрѣть, какъ, подъ видомъ друга, онъ обманываетъ бѣднаго Колонжа, который, въ сердечной простотѣ художника, не видитъ дальше своего носа. Но пусть баронъ крѣпче придерживаетъ свою маску... я успѣю сорвать ее въ глазахъ Аврелии.

РЕНЬЕ. И отъ меня пусть онъ не ждетъ пощады.

ЛА-БЕРТОНИ. Въ два дня онъ у меня сдѣлается баснею пѣлаго Парижа.

РЕНЬЕ. А для лучшаго усѣха, ему надобно хорошенько зарубить на памяти его поступокъ, и если онъ не возвратитъ мнѣ того, что укралъ, я самъ примусь за эту операцію.

ЛА-БЕРТОНИ. Вотъ кстати онъ самъ! Я оставляю васъ. (*сталкиваясь въ дверяхъ съ барономъ, даетъ ему дорогу, и съ поклономъ уходитъ*).

VI.

РЕНЬЕ и БАРОНЪ ЛИБЕРНУА.

РЕНЬЕ (*грозно*). Государь мой! вчера на балѣ вы изволили обмануть меня; хозяйка дома и не думала звать меня.

БАРОНЪ (*спокойно*). Она спрашивала Гренье; я думалъ васъ. Гренье-Ренье — тутъ много похожаго. Извините.

РЕНЬЕ. Позвольте мнѣ еще спросить васъ...

БАРОНЪ (*всторону*). Чего отъ меня хочеть этотъ скворецъ? (*вслухъ*) Все, что вамъ будетъ угодно.

РЕНЬЕ. Я увѣренъ, что вы будете отвѣчать мнѣ откровенно, какъ слѣдуетъ честному человѣку.

БАРОНЪ (*нетерпѣливо*). Къ дѣлу, сударь!

РЕНЬЕ. Дѣло вотъ въ чемъ. Мнѣ сказали, что вчера на балѣ у г-жи Габриель, вамъ, не знаю по какому случаю, попался въ руки женскій платокъ, въ который вложена была записка. Правда ли это?

БАРОНЪ (*смущенный*). Вамъ правду сказали; мнѣ точно вчера попался въ руки платокъ, прекрасно вышитый съ письмомъ, написаннымъ еще прекраснѣе.

РЕНЬЕ (*задыхаясь*). Вы осмѣлились прочесть его?

БАРОНЪ. Прочелъ, и съ величайшимъ удовольствіемъ. Новая Элопза, Вертеръ, письма Джакоппо Ортиса, не что—иное, какъ потухшіе угли передъ этимъ костромъ. Какая сила! Сколько огня! какая поэзія! Человѣкъ, который написалъ эти строки, безъ сомнѣнія, долженъ быть талантъ первой величины и скоро, вѣроятно, станетъ на ту завидную степень, какой онъ вполне достоинъ. Я тружусь уже для него—между тѣмъ, какъ онъ этого и не подозреваетъ.

РЕНЬЕ (*всторону*). Онъ, пожалуй, дурачить меня! (*вслухъ*) Государь мой! Я знаю, вы умѣете шутить прекрасно, но шутки ваши теперь не у мѣста. Я говорю съ вами не для смѣха, а для серьезнаго объясне-

нія. Вы сознаетесь, что завладевая письмомъ, котораго я объявляю себя авторомъ. Что вы съ нимъ сдѣлали? Я требую отвѣта отъ васъ.

БАРОНЪ. Не сердитесь, выслушайте меня, и вы увѣритесь, что я оказалъ вамъ истинную услугу. Напередъ изложимъ факты. Вы влюблены, — по крайней-мѣрѣ вы такъ думаете, — влюблены въ г-жу Колоджъ. Я другъ ея мужа. Что было мнѣ дѣлать, когда случай послалъ мнѣ вашу записку? Доставить ее по адресу? но тогда я измѣнилъ бы дружбу. Отдать вамъ? но согласились ли бы вы уничтожить ее и не писать другихъ? Сжечь ее? — на это могъ рѣшиться одинъ вандалъ. Въ недоумѣніи я избралъ последнее средство, которое покажется вамъ страннымъ, но выгоды котораго вы сейчасъ поймете. Какъ нравится вамъ г-жа Габріель? Вѣдь она очень любезная женщина.

РЕНЬЕ. Г-жа Габріель.

БАРОНЪ. Если вамъ сказать, что со вчерашняго вечера она читаетъ къ слогу вашему уваженіе, доходящее до восторга, что она считаетъ васъ теперь первымъ писателемъ нашего вѣка, еслибы, наконецъ, я сказалъ вамъ, что письмо, о которомъ вы говорите, она перечитывала двадцать, сто разъ?

РЕНЬЕ. Я не вѣрю, чтобы вы говорили серьезно. Къ чему эти шутки?

БАРОНЪ. Тутъ вовсе нѣтъ шутокъ. Письмо, адресованное вами къ Авреліи Колоджъ, попало къ Авреліи Габріель, — вотъ и все. На почтѣ случаются каждый день гораздо важнѣйшія ошибки.

РЕНЬЕ. Государь мой! вы объяснили мнѣ то, что я желалъ знать. Теперь благоволите назначить мѣсто и условія для дѣла, необходимость котораго, я думаю, вы понимаете.

БАРОНЪ. Подарите меня еще двумя минутами вниманія, и если послѣ нихъ вы не откажетесь отъ дуэли — мы можемъ драться. Желаніе и исходъ вашихъ трудовъ — слава, не правда ли? Вы ощущаете въ себѣ мощныя силы, зародышъ таланта, которому стоить только развернуться. Какое вліяніе произвела бы на жизнь вашу истинная страсть, внушенная вамъ г-жею Колоджъ? Вліяніе пагубное, смѣю васъ въ томъ увѣрить. Положимъ даже, что г-жа Колоджъ васъ любитъ... Что жъ изъ этого выйдетъ? Счастливая или несчастная любовь непременно заглушитъ въ васъ талантъ. Вы не знаете, до чего можетъ простираться эгоизмъ женщины, избалованной свѣтомъ и модою. Она станетъ любить васъ не для васъ, а для себя. Вы должны будете посвятить ей все мысли свои, все минуты жизни, все свое существованіе. Въмѣсто того, чтобы поощрять васъ къ приобрѣтенію славы, она постарается обрѣзать крылья у вашего честолюбія. Любовь ослабитъ мало-по-малу все струны души

вашей. Ринальдо у Армиды, вы станете тратить поэтической талант свой на сочинение любовных стиховъ. Вѣрите ли: нѣтъ въ свѣтѣ женщины, которая заслуживала бы, чтобы ей принесли къ жертву такой талантъ.

РЕНЬЕ. Ваши замѣчания отчасти справедливы, но ихъ можно примѣнить и къ другимъ женщинамъ. Не все ли онѣ взыскательны?

БАРОНЪ. Заблужденіе, мой юный другъ! Если вы намекаете на г-жу Габріель. Эта уже любитъ васъ страстно — когда вы еще и не думаете любить ее. Когда мы мало преданы женщиной, а она насъ любитъ до безумія, тогда—изъ раба мужчины становитея господиномъ; его берегутъ, делятъ, соображаются съ его склонностями, принимаютъ его мнѣнія, принимаютъ участіе въ усѣбахъ его, устраняютъ отъ него все препятствія, готовы положить къ ногамъ его весь міръ. Къ тому же г-жа Габріель чувствительна и любитъ поэзію.

РЕНЬЕ. Но она не хороша собою и даже не умна.

БАРОНЪ. Поэтъ! какая неблагодарность! Женщина, которая, еще не видѣвши ничего, уже говоритъ всѣмъ и каждому, что стихи ваши заставляютъ позабыть Ламартина, что самъ Викторъ Гюго долженъ крѣпче держаться за свою славу.

РЕНЬЕ. Она говоритъ это?

БАРОНЪ. Заговорить и не то еще, если вы поддержите любовь и уваженіе, которыя она уже къ вамъ питаетъ. У васъ есть талантъ, но этого недостаточно: таланту вашему надобенъ блескъ, иначе онъ никогда не будетъ признанъ. Что вамъ нужно? Кабедру, театръ, пьедесталь. Все это найдете вы у г-жи Габріель, когда она, не шутя заинтересуется вами. Она очень богата. Въ салонѣ ея собираются женщины, которыхъ мнѣніе служитъ авторитетомъ. Виконтесса взволнуетъ для васъ землю и приготовитъ самые вкусные пироги, чтобы на сытить церберовъ критики; она вотрется къ журналистамъ, найдетъ издателя...

РЕНЬЕ. Позвольте. Поступокъ вашъ былъ опрометчивъ, но я начинаю понимать, что вы точно не имѣли злаго умысла.

БАРОНЪ. А, вы наконецъ понимаете, что я желалъ вамъ принести пользу.

РЕНЬЕ. Однакожъ, прежде всего, вы имѣли въ этомъ собственныя выгоды?

БАРОНЪ. Выгоды, какія же позвольте спросить?

РЕНЬЕ. Вы хотѣли избавиться отъ соперника.

БАРОНЪ. Такъ вы думаете, что я влюбленъ тоже въ г-жу Колонжъ? Какое непростительное ослѣпленіе!

РЕНЬЕ. Я это знаю навѣрное.

БАРОНЪ. Бьюсь объ закладъ, что эту вздорную мысль вложилъ вамъ въ голову Ла-Бертони. Если вы станете вѣрить всеѣмъ рассказамъ этого гасконца, такъ онъ покажетъ вамъ звѣзды при солнцѣ. Миѣ влюбиться въ жену пскренняго моего друга! Какъ это можно! Это нелѣпность.

РЕНЬЕ. Наше объясненіе приняло такой оборотъ, что миѣ надо объ немъ хорошенько подумать.

БАРОНЪ. Какъ вамъ угодно.

VII.

ПРЕЖНІЕ « АВРЕЛІА.

АВРЕЛІА. Вѣрно, господа, у васъ очень серьезный разговоръ. Ренье, вы даже забыли, что не пили чаю. Г-жа Габріель поручила миѣ сказать вамъ, что ночь благопріятствуетъ благоуханіямъ душевнымъ или что-то въ этомъ родѣ, что я перевозю желаніемъ ея въ такую ночь имѣть возлѣ себя любезнаго собесѣдника, а потому и прошу васъ пожаловать на террасу. Я обѣщала волей или неволей привести васъ къ ней.

РЕНЬЕ. Бѣгу благодарить г-жу Габріель за ея вниманіе (*уходитъ*).

VIII.

БАРОНЪ ЛИВЕРНУА « АВРЕЛІА.

АВРЕЛІА. Ахъ, Ливернуа!

БАРОНЪ. Что съ вами, вы такъ разстроены...

АВРЕЛІА. Я хочу просить васъ объ одной вещи.

БАРОНЪ. О, говорите! Я въ нетерпѣніи отъ желанія быть вамъ чѣмъ-нибудь полезнымъ.

АВРЕЛІА. Меня занимаетъ теперь одна мысль, только вовсе не такая важная, какъ вы, пожалуй, готовы подумать; это капризь и больше ничего. Вы знаете, что Эрнестъ запретилъ ходить въ его мастерскую. Съ-тѣхъ поръ, какъ онъ началъ свою картину, тамъ никто не былъ, даже и я. Прежде я не обращала на это вниманія, но теперь, признаюсь, миѣ захотѣлось отвѣдать запрещеннаго плода.

БАРОНЪ (всторону). А, Ла-Бертони таки успѣлъ поселить въ ней недоувѣрчивость къ мужу.

АВРЕЛІА. Если миѣ сказать самой о томъ Колонжу, онъ засмѣется, припласкается и вырветъ у меня согласіе потерпѣть еще немного—подъ тѣмъ предлогомъ, что черезъ мѣсяць любопытство мое будетъ удовле-

творено. Но еслибъ удалось взглянуть на его картину кому-нибудь другому, напримѣръ вамъ, тогда онъ и мнѣ не могъ бы отказать въ этомъ удовольствіи.

БАРОНЪ. Стало-быть вамъ угодно, чтобы я, во что бы то ни стало, заставилъ Колонжа впустить меня въ его завѣтный пріютъ труда? Признаюсь, эту крѣпость придется брать приступомъ. Но если бы мнѣ даже пришлось остаться въ проломѣ, я все-таки на это отважусь, потому что вамъ такъ угодно. Колонжъ теперь въ мастерской?

АВРЕЛІЯ (*съ неудовольствіемъ*). Гдѣ же ему быть; онъ только-что напился чаю, и тотчасъ же скрылся.

БАРОНЪ. Въ такомъ случаѣ я, если позволите, тотчасъ же пойду начну осаду, и приду отдать вамъ отчетъ въ моей нобѣдѣ или поражени.

АВРЕЛІЯ. Я жду васъ здѣсь (*Ливернуа уходитъ*).

IX.

АВРЕЛІЯ одна.

АВРЕЛІЯ. Боже мой, какое мученіе! Что значать намеки этого злого Ла-Бертоня? Съ какой саркастической улыбкой онъ сомнѣвался, чтобы Колонжъ по 15-ти часовъ въ сутки могъ проводить въ своей мастерской, и поздравлялъ меня съ такою примѣрною довѣрчивостью къ мужу. Что если Эрнестъ меня обманывалъ? Что, если онъ не въ мастерской проводилъ все время, которое я его не видала? Если это былъ только предлогъ отдѣлываться отъ меня? О! это было бы ужасно! Я дала ему слово не заглядывать въ его мастерскую до окончанія его картины! Гордость и достоинство любящей женщины не позволяютъ мнѣ самой удостовѣриться въ своихъ подозрѣніяхъ! Но исполненіе мысли пробраться въ мастерскую третьему лицу откроетъ и мнѣ туда путь. Что жъ это Ливернуа нейдетъ? Удалось ли ему добраться до картины? А! вотъ и онъ! Какой мрачный и задумчивый видъ! Я предчувствую какое-нибудь горе!..

X.

АВРЕЛІЯ и БАРОНЪ ЛИВЕРНУА.

АВРЕЛІЯ. Ну что? Онъ тамъ, я надѣюсь?

БАРОНЪ (*мрачно*). Тамъ.

АВРЕЛІЯ. Онъ пустилъ всѣхъ къ себѣ? Вы видѣли его картину?

Ну что ж? Какова она? Стоит ли времени, которое употреблена на нее?

БАРОНЪ. На который из этих вопросов прикажете мнѣ прежде отвѣчать?

АВРЕЛІЯ. Говорите скорѣе; очень естественно, что на первый. Пустилъ ли онъ васъ къ себѣ въ мастерскую и видѣли ли вы картину?

БАРОНЪ. Я безпрепятственно вошелъ въ первую комнату и началъ спльно стучать въ дверь второй, гдѣ работалъ Колонжъ. Раздосадованный, онъ отворилъ дверь и протянулъ руку, какъ часовой, выставляющій впередъ штыкъ, чтобы внушить уваженіе къ своему посту. Нѣтъ, мой милый, сказалъ я, замѣтивъ его грозную позу, еслибы мнѣ даже пришлось пройти по твоему тѣлу—я войду непременно: заслуги мои (*опомилсь*), то-есть, дружба моя къ тебѣ позволяютъ тебѣ, кажется, сдѣлать для меня исключеніе. Рано ли поздно ли, вѣдь увидимъ же мы эту таинственную картину! Зачѣмъ же отказывать мнѣ долѣе въ удовольствіи насладиться ею первому?

АВРЕЛІЯ. Что же отвѣчалъ онъ вамъ?

БАРОНЪ. Она еще не можетъ явиться на судъ твой, сказалъ онъ съ скромностію, которою умные люди прикрываютъ свою гордость. Если тебѣ нужно переговорить со мной, пойдѣмъ въ кабинетъ.

АВРЕЛІЯ. Вы, конечно, не сдались?

БАРОНЪ. Развѣ я съ тѣмъ туда пошелъ? Нѣтъ, продолжалъ я, если ты упряма, то и я бретонецъ. Вчера я хвастался передъ десятью прітелями, что уже видѣлъ превосходное произведеніе; слѣдовательно, я долженъ видѣть его, или же меня стануть указывать нальцами.

АВРЕЛІЯ. А, вотъ что вы придумали! Нельзя не удивляться вашей изобрѣтательности.

БАРОНЪ. Напрасно Колонжъ говорилъ, что черезъ мѣсяцъ, и даже менѣе, картина будетъ кончена, и тогда мнѣ можно будетъ увидѣть ее; я возражалъ ему, что тогда всѣ могутъ судить о ней, а я требую исключенія. Я говорилъ ему, что эта мысль такъ укоренилась въ умѣ моемъ, что никто ее оттуда не выгонитъ, и что я рѣшился, если не пустять меня въ таинственное убѣжище, перестать считать себя его другомъ.

АВРЕЛІЯ. II Эрнестъ, побѣжденный этимъ послѣднимъ доводомъ, рѣшился наконецъ...

БАРОНЪ (*перебивая*). Впустить меня. Не буду говорить вамъ о достоинствѣ картины, она будетъ алмазомъ выставки. (*всторону*). Постой, Колонжъ, твой послѣдній часъ пробилъ!

АВРЕЛІЯ. Много ли картина подвинулась впередъ; говорите! Замѣт-

но ли, что Эрнестъ по 15 часовъ въ сутки посвящалъ этому труду пѣлые три мѣсяца.

БАРОНЪ. Да, сдѣлано много, но... я долженъ вамъ сообщить одно обстоятельство... очень щекотливое... Я далъ бы многое, чтобы вы мнѣ позволили молчать... но рано ли поздно ли вы должны же наконецъ увидѣть картину своими глазами, и мнѣ кажется лучше исподоволь приготовить васъ къ удару, нежели поразить имъ неожиданно.

АВРЕЛІЯ. Не бойтесь, говорите, я готова все выслушать.

БАРОНЪ. Вы знаете, какъ я друженъ съ вашимъ мужемъ, вы часто слышали, что я всегда въ глазахъ вашихъ брать его сторону, и даже сегодня не отчаиваюсь оправдать его.

АВРЕЛІЯ. Но, ради Бога, что же онъ такое сдѣлалъ?

БАРОНЪ. Позвольте прежде исполнить долгъ, возлагасмый на меня дружбою. Еслибы дѣло шло о человѣкѣ обыкновенномъ, я ни слова не сказалъ бы въ его защиту, но мужъ вашъ талантъ, какихъ мало. Онъ составляетъ исключеніе изъ общаго правила. Что преобладаетъ въ художникѣ? Воображеніе! Вы знаете, нѣтъ ничего непостояннѣе воображенія; оно никогда не дремлетъ, спокойствіе убиваетъ его, счастье надѣдаетъ ему. Воображеніе готово бросить самую счастливую жизнь для бродяжничества по большимъ дорогамъ. Возьмите любое сокровище, возьмите женщину со всеми совершенствами, (*нельзя*) себя самихъ возьмите; вы увидите, что ни сокровище, ни эта женщина не удержатъ человѣка, увлекаемаго воображеніемъ. Вы будете также любимы, но въ обществѣ, съ которымъ мужъ вашъ познакомился еще до вашей женитьбы и въ которомъ вы не можете никогда быть, найдется женщина, не столько прекрасная, какъ вы, но зато прекрасная наружно до того, что художникъ позволитъ сказать себѣ: «вотъ идеаль!»

АВРЕЛІЯ. Женщина!

БАРОНЪ. Пламенное воображеніе художника, разрушивъ алтарь прекрасной и добродѣтельной женщины, воскуряетъ опіямъ предъ тою, которая не можетъ идти даже въ сравненіе съ первою, но выкупаетъ все это прелестью новизны.

АВРЕЛІЯ. Объясненія всторону; одно слово, о комъ вы говорите? Кто эта женщина?

БАРОНЪ. Я не думаю, чтобы вы ее знали.

АВРЕЛІЯ (*гнѣвно*). Имя ея?

БАРОНЪ. Госпожа Графенъ.

АВРЕЛІЯ (*вскрикнувъ*). Госпожа Графенъ? О я знаю ее! Въ-самомъ-дѣлѣ, она прекрасна, она лучше меня! Колонжъ любить ее! (по-

молча). Благодарю васъ за откровенность. Но вы понимаете, что словъ вашихъ недостаточно, мнѣ нужны доказательства.

БАРОНЪ. Доказательства! Вы ихъ найдете въ мастерской.

АВРЕЛИЯ. Въ его мастерской? Она!..

БАРОНЪ. На картинѣ, которую онъ пишетъ.

АВРЕЛИЯ. Ея портретъ!

БАРОНЪ. Я опечалилъ васъ. О, еслибъ отъ меня зависило отвратить этотъ ударъ! Но вы хотѣли знать истину, и я не могъ скрыть ее, хотя она должна была поразить васъ въ самое сердце.

АВРЕЛИЯ. О, да, въ сердце!

БАРОНЪ. Соединяя въ себѣ все, что можетъ привязать и восхищать человѣка, вы, конечно, не можете привыкнуть къ мысли, что тотъ, кто имѣетъ счастье обладать вами, можетъ желать чего-нибудь другаго. Другой на мѣстѣ Колонжа ограничился бы желаніемъ нравиться вамъ; вмѣсто того, чтобы измѣнять, старался бы сдѣлаться 'достойнымъ любви вашей. (*страстно*) Другой на его мѣстѣ, и это я говорю по собственному убѣжденію, любилъ бы васъ пламенно, нераздѣльно, вѣчно! (*Движеніе Аврелии*). Если Колонжъ поступилъ иначе, это значить, что такое глубокое чувство несовмѣстно съ честолюбіемъ, которое, преобладая въ художникѣ, дѣлаетъ его эгоистомъ.

АВРЕЛИЯ. Отнимая у меня часть жизни, между-тѣмъ какъ моя жизнь вся принадлежитъ ему, онъ повинуется необходимымъ законамъ организациі художниковъ. О, зачѣмъ я не полюбила обыкновеннаго человѣка! Онъ любилъ бы меня!

БАРОНЪ. Надо быть снисходительнымъ къ бѣдному Колонжу. У каждаго дерева—свой плодъ, и требовать отъ артиста постоянства въ любви, тоже, что, говоря словами г-жи Габріэль, требовать розъ отъ лавра. Что художникъ пишетъ портретъ любимой женщины, это вещь обыкновенная, но женатому человѣку выставлать на показъ любовь къ замужней женщинѣ, и притомъ на картинѣ, назначенной для всѣхъ, это можно объяснить только страстью, близкою къ безумію, иначе онъ не оскорбилъ бы васъ такъ жестоко.

АВРЕЛИЯ. И такъ я ничего не значу въ его жизни, онъ не могъ всегда любить меня! Винавать не онъ, а я! Я не дѣйствую болѣе на его воображеніе, не долженъ ли онъ естественно искать въ другой женщинѣ тѣхъ прелестей, которыхъ уже болѣе не находитъ во мнѣ. (*помолча и пристально взглянувъ на барона*). Но я повѣрю тогда только, когда увижу собственными глазами. Теперь, я прошу васъ оставить меня, я такъ взволнована... Завтра я сама удостоюсь въ справедливости словъ вашихъ.

БАРОНЪ (*откланивается*). О, какая ревнивица!

XI.

АВРЕЛИЯ одна.

Да, завтра же! Я проберусь въ его мастерскую, хотя бы для этого мнѣ надо было употребить силу. И онъ увидитъ тогда, какъ мститъ оскорбленная женщина!

ДѢЙСТВІЕ III.

Мастерская Коломжа. Внутри дверь, направо окно, къ которому приставлена картина, застилающая всю правую сторону сцены, и задернутая зеленой занавѣской. На лѣвой сторонѣ маленькая дверь, закрытая красной портьерой. Въ комнатѣ бѣсы, краски, палитры.

I.

ЛЮДОВИКЪ мететь и убираетъ комнату.

ЛЮДОВИКЪ. Какъ у этихъ господъ живописцевъ трудно содержать комнаты въ чистотѣ и порядкѣ... все разбросано, а не смѣй ничего тронуть, да еще, ко всему, будь вѣчно на сторожѣ, какъ бы кто сюда не проскользнулъ... Эти господа такіе любопытные; ужъ не разъ ко мнѣ подъѣзжали: Людовикъ, голубчикъ, отвори мастерскую, покажи картину! Какъ бы не такъ! А баринъ, всегда ухали, непременно скажетъ: смотри не зѣвай, держи ухо востро, чтобы никто не осмѣлился взойти сюда... даже жена! Слышишь-ли, дуралей, даже жена! Ну на нее, голубушку, жаль пожаловаться, хоть женщина, а не любопытна!.. Ужъ зато я запираюсь всегда, когда убираю комнату; да и выхожу пзъ нея, такъ ключъ у меня всегда въ карманѣ, пока баринъ его не потребуетъ. (*прислушивается*) Что это! Кто-то стучится... кому бы такъ рано!

АВРЕЛИЯ (*за дверью*). Отвори, Людовикъ!

ЛЮДОВИКЪ. Ай, ай! Г-жа Коломжа!

АВРЕЛІЯ (*тамъ же*). Слышишь-ли, отопри!

ЛЮДОВИКЪ. Радъ-бы, сударыня, да вы знаете, баринъ запретилъ...

АВРЕЛІЯ. А я тебѣ приказываю.

ЛЮДОВИКЪ. Какъ же быть: одинъ запрещаетъ, другая приказываетъ... а если изъ двухъ приказаній господъ одно противорѣчитъ другому, умный слуга не затрудняется въ выборѣ.

АВРЕЛІЯ. Что ты тамъ бормочешь? Долго-ли еще дожидаться?

ЛЮДОВИКЪ. Сейчасъ, сударыня, сейчасъ. Надо повиноваться госпожѣ, хотя бы заслужилъ гнѣвъ господина. (*отпираетъ*) Вѣдь не съѣстъ же онъ меня въ-самомъ-дѣлѣ.

II.

ЛЮДОВИКЪ И АВРЕЛІЯ.

АВРЕЛІЯ (*идожд*). Наконецъ ты надумался!

ЛЮДОВИКЪ. Я говорилъ себѣ, сударыня, что черезъ четверть часа г. Коломжъ вернется съ своей обычной прогулки по террасѣ.

АВРЕЛІЯ. Это не твоя забота... оставь меня.

ЛЮДОВИКЪ. Слушаю, сударыня! (*всторону*) Что касается до этого, я самъ очень радъ уйти куда-нибудь подалѣе. Пусть раздѣлываются они прожегъ собою, какъ знаютъ... (*уходитъ*).

III.

АВРЕЛІЯ одна.

АВРЕЛІЯ (*съ безпокойствомъ*). Наконецъ я одна! Настала мнѣнута удостовѣриться въ обвиненіи Эрнеста! О, какъ бьется мое сердце! Надо поспѣшить, онъ можетъ вернуться. (*быстро идетъ къ картинѣ, отдергиваетъ занавѣсъ и жадно смотритъ на нее*). А! вотъ она, (*закрываетъ глаза рукою и опирается на спинку кресель, чтобы не упасть отъ волненія*). Вотъ эти бѣлокурые волосы, эти плечи!.. (*плачетъ*) Эрнестъ, Эрнестъ!.. я погибла, ты мнѣ предпочелъ ее! (*помолчавъ немного, съ гордостью*). Я плачу!.. Развѣ красота другой женщины даетъ право мужчинѣ измѣнять клятвѣмъ, даннымъ прежде той, которая вся принадлежитъ ему, съ которою онъ связанъ священными узамъ любви и брака? О, Эрнестъ, ничто не можетъ оправдать твоей пѣмны! Но я не буду такъ малодушна, чтобы безъ боя уступить соперницѣ! пусть онъ узнаетъ месть мою! (*быстро подходитъ къ столу, на которомъ лежатъ краски и палитра, схватываетъ кисть и обмакиваетъ въ краску*). Пусть придетъ онъ теперь! (*замазы-*

ваетъ фигуру). Вы съ такою любовью рисовали эту женщину!.. полюбуйтея теперь ею... (*прислушивался*). А! онъ идетъ, я слышу его шаги по лѣстницѣ. (*прячется за занавѣсъ боковой двери*).

IV.

КОЛОЖЪ *входитъ*.

КОЛОЖЪ (*запирая за собою дверь*). Страшно! Людовикъ забылъ въ первый разъ запереть за собою дверь. Людовикъ! его здѣсь нѣтъ! Это удивительно! (*оглядывается на картину*). Занавѣсъ отдернута! (*подходитъ къ картинѣ и останавливается въ остолебеніи*). Людовикъ! Что это такое? Людовикъ! О, только живописецъ, какой-нибудь тайный врагъ могъ мнѣ нанести подобное оскорбленіе! Три недѣли труда, самаго постоянного, разрушено въ одно мгновеніе! Какъ ловко умѣлъ онъ попасть мнѣ въ самое сердце, сдѣлать ударъ свой смертельнымъ. Моя прекрасная фигура, моя очаровательная блондинка, которой не доставало только крыльевъ, чтобъ быть амуромъ, запачкана, обезображена этимъ разбойникомъ! О я найду, я отыщу его, и тогда горе ему, я накажу его!

V.

КОЛОЖЪ И АВРЕЛІЯ.

АВРЕЛІЯ. Такъ вымещайте же на мнѣ гнѣвъ вашъ!

КОЛОЖЪ (*внѣ себя отъ удивленія*). Аврелія! ты здѣсь... и это ты...

АВРЕЛІЯ. Да, я!

КОЛОЖЪ. Но чѣмъ же была она виновата предъ тобою? Знаешь-ли, что ты разрушила трудъ цѣлыхъ трехъ недѣль!

АВРЕЛІЯ. Вы видите меня въ послѣдній разъ; я уѣду къ отцу моему, тогда вы можете сколько угодно малевать вашу блондинку; но до тѣхъ-поръ вы не должны были позволить себѣ этого; вы должны были довольствоваться тѣмъ, что обманывали меня, но оскорблять,—я этого не заслужила.

КОЛОЖЪ. Тебя обманывать? тебя оскорблять? Ради Бога, что все это значить?

АВРЕЛІЯ. Я ненавижу васъ! Не заставляйте же васъ презирать. Къ чему все это лукавство; развѣ я не знаю госпожи Графенъ!

КОЛОЖЪ (*радостно*). Ты ревнуешь! О, я забываю все свое горе!.. Какое ребячество! Оттого, что одно изъ лицъ моей картины похоже на

г-жу Графенъ, ты ревнуешь меня къ этой женщинѣ, съ которой я никогда не говорилъ, которую едва знаю!

АВРЕЛІЯ. Едва знаете? Вы лжець! Вы ее любите, я это знаю! Вы никогда не говорили съ нею? Не скажете ли, что и портретъ ея писали вы, не зная сами, что дѣлаете?

КОЛОНЖЪ. Конечно,—и сказалъ бы правду: я думалъ, что дѣлаю вещь самую обыкновенную, и вовсе не подозревалъ тутъ преступленія.

АВРЕЛІЯ. Здѣсь или у нея въ домѣ были ваши сеансы?

КОЛОНЖЪ. Сеансовъ никакихъ не было, клянусь тебѣ. И съ чего ты взяла все это? Мнѣ просто понадобилась голова блондинки, я увидѣлъ г-жу Графенъ, нашелъ лицо ея годнымъ для моего сюжета, и воспользовался имъ по праву живописца, такъ же, какъ могъ-бы воспользоваться головою старика или ребенка. Если я провинился въ чемъ нибудь, то ужъ вѣрно безъ всякаго дурнаго намѣренія.

АВРЕЛІЯ. И вы писали портретъ г-жи Графенъ безъ ея вѣдома?

КОЛОНЖЪ. Конечно. Быть-можетъ я въ-самомъ-дѣлѣ поступилъ нескромно; однакожь, въ такомъ случаѣ, г-жа Графенъ имѣетъ болѣе причинъ негодовать на меня, нежели ты.

АВРЕЛІЯ. Никогда не повѣрю этому. Снимая съ меня портретъ, вы взяли, по-крайней-мѣрѣ, восемь длинныхъ сеансовъ, и это вамъ казалось мало.

КОЛОНЖЪ. Потому-что это былъ твой портретъ; мы не были еще обвѣщаны. Я не имѣлъ права видѣть тебя, сколько мнѣ хотѣлось; какъ же могли мнѣ казаться слишкомъ частыми или слишкомъ длинными сеансы, давашіе мнѣ случай быть съ тобою наединѣ?

АВРЕЛІЯ. Вы меня не увѣрите, что можно рисовать на память.

КОЛОНЖЪ. Однакожь многіе живописцы одарены этою способностью; посвятивъ себя изученію природы, они удерживаютъ въ душѣ своей изображеніе видныхъ предметовъ долѣе и яснѣе, чѣмъ другіе люди.

АВРЕЛІЯ (*ревниво*). Особенно, когда эти изображенія—хорошенькія женщины?

КОЛОНЖЪ. Если ты мнѣ не вѣришь, я готовъ представить доказательства. (*беретъ бумагу и карандашъ, который чинитъ*).

АВРЕЛІЯ. Что вы хотите дѣлать?

КОЛОНЖЪ. Снять твой портретъ на память. Вѣдь, кажется, мы объ этомъ споримъ; ты увидишь обманываю ли я тебя, и узнаешь, что мои слова заслуживаютъ немного болѣе довѣрія. (*Колонжъ рисуетъ и по временамъ закрываетъ глаза, какъ бы желая вспомнить ускользающія отъ него черты. Аврелія стоитъ за стуломъ и съ любопытствомъ смотритъ на работу*). Ну, какъ тебѣ это кажется?

АВРЕЛІА. Вы правы; я не сомнѣваюсь въ вашемъ талантѣ; вы можете помнитъ всякое лицо, которое вамъ нравится, всѣхъ женщинъ, которыя успѣли обратить ваше вниманіе.

КОЛОМЪЖЪ. Не только хорошенькихъ, но и дурныхъ.

АВРЕЛІА. Дурныхъ! Развѣ вы смотрите на дурныхъ?

КОЛОМЪЖЪ. Живописецъ смотритъ на все и помнитъ все. Хочешь-ли я нарисую тебѣ портретъ безобразной женщины?

АВРЕЛІА (*равнодушно*). Какъ вамъ угодно.

КОЛОМЪЖЪ (*взявъ другой листъ бумаги, рисуетъ слова*). Ну, кто это?

АВРЕЛІА. Ахъ, Адель Фонтанжъ! Бѣдная Адель! Еслибы она знала, какъ вы относитесь объ ней, она никогда-бъ вамъ не простила этого.

КОЛОМЪЖЪ. Ты видишь, что помнитъ не значитъ любить. Но можетъ-быть по твоему я влюбленъ въ Адель Фонтанжъ?

АВРЕЛІА. Поклянетесь-ли вы мнѣ честью, что у васъ ничего нѣтъ общаго съ этой женщиной?

КОЛОМЪЖЪ. Клянусь моею честью и любовью. (*цѣлуетъ руку жены*).

АВРЕЛІА. А если я прошу вамъ горестъ, которую вы заставили меня испытать, станете ли вы въ другой разъ подвергать меня подобному испытанію?

КОЛОМЪЖЪ. Никогда, никогда! (*глядитъ на картину*). Оно и теперь дорого стѣитъ мнѣ.

АВРЕЛІА (*тоже глядя на картину*). Нѣтъ ли тамъ еще какого портрета между этихъ женскими головками?

КОЛОМЪЖЪ (*испуланный*). Нѣтъ, право, нѣтъ ни одного,

АВРЕЛІА. Однакожь между ними есть очень хорошенькія.

КОЛОМЪЖЪ. Всѣ они созданы воображеніемъ; неужели ты и къ нимъ станешь ревновать?

АВРЕЛІА. Все же онѣ женщины.

КОЛОМЪЖЪ (*смѣясь*). Женщины золотяныя.

АВРЕЛІА. Вы смѣтаетесь; вы не можете понимать меня; вы не ревнивы!

КОЛОМЪЖЪ (*вздыхнувъ*). Ты думаешь?

АВРЕЛІА. Человѣку съ талантомъ несродны такія мелочи. Кто гордится за славой, какъ тому удѣлять хоть одну минуку ревности!

КОЛОМЪЖЪ. Ты думаешь... Надо же поправить твою глупость. (*идетъ къ картинѣ*). Придется въ пятый разъ передѣлывать эту фигуру.

АВРЕЛІА. Не опять ли станете искать вашу головку въ воображеніи?

КОЛОМЪЖЪ. Гдѣ-жъ прикажешь искать ее? Вѣдь ты запретила мнѣ писать портреты?

АВРЕЛІА. Но я не занрещала ихъ снимать съ меня?

КОЛОДЖЪ. Съ тебя, для этой картини?

АВРЕЛІЯ. Отчего же и пѣтъ! Развѣ я такъ ужъ дурна?

КОЛОДЖЪ. Ты сама не знаешь, что говоришь.

АВРЕЛІЯ (съ раздражительностью). Знаю, и даже требую этого!

КОЛОДЖЪ. Это будетъ неприлично.

АВРЕЛІЯ. А вамъ кажется приличіе писать портретъ г-жи Графенъ?

КОЛОДЖЪ. Но...

АВРЕЛІЯ. Тутъ пѣтъ по. Выберите мое лице для ни чье.

КОЛОДЖЪ (рѣшительно). Ничье.

АВРЕЛІЯ. Начнемъ наши сеансы, теперь же, я готова. (садится). Хорошо ли такъ?

КОЛОДЖЪ (дѣлая видъ, что рисуетъ, изрѣдка поглядывая на жену всторону). Спорить съ нею будетъ бесполезно. (глядитъ съ сожалѣніемъ на картину). Ахъ, Авредія, я не требовалъ таинствъ доказательствъ любви. (глядя на жену). Впрочемъ, лишь бы она меня любила! Но чѣмъ же мнѣ зачѣнить эту прекрасную годову? Вотъ счастливая мысль! Если нельзя побѣдить препятствіе, можно отворотить его. Опустимъ немного мантию этого старика... конечно, одной головой будетъ меньше, а она была прекрасна! (рисуетъ). Но останется торезъ, и онъ имѣетъ свою цѣну... Эту мысль подаетъ мнѣ живописецъ, который, отчаявшись выразить горестъ Агамемнона, закрылъ покровомъ его лицо. Конечно, враги мои обвинять меня въ безендіи... Безумцы! знаютъ ли они, что такое ревнивая женщина, которую любишь.

АВРЕЛІЯ (вставал). Посмотримъ! (подойдя къ картинѣ). Такъ-то вы пишете мой портретъ?

КОЛОДЖЪ (бросая кисть и взявъ за руку жену). Портретъ твой? Твой портретъ, говоришь ты? Чтобы я отдалъ его безмысленной толпѣ, которая цѣлые три мѣсяца станетъ осаждать галереи Лувра? Лучше никогда не дотрогиваться до кисти, лучше отсѣчь себѣ руку! (садится на то мѣсто, гдѣ сидѣла жена и не выпуская ея руки изъ своихъ рукъ). Не довольно ли тѣхъ бальныхъ салоновъ, которые любишь ты, и которые я ненавижу! Ты не подозрѣваешь во мнѣ ревности, Авредія!

АВРЕЛІЯ (которая холодно отвѣчала на ласки мужа, опирается на плечо его). Ревности, въ тебѣ? Не думай обмануть меня. Кто ревнивъ, тотъ не имѣетъ ни минуты покоя, создаетъ себѣ тысячи призраковъ, всего болше, а ты всегда такъ спокоенъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я твоя жена, вздумалось ли тебѣ хоть разъ обратить вниманіе на людей, которымъ пріятно, какъ кажется, со мною бесѣдовать? Эти лю-

да такъ мало тебя занимають, что я сама о нихъ никогда тебѣ не говорила.

КОЛОНЖЪ (*лукаво*). Можетъ-быть, это было бы излишне.

АВРЕЛІЯ. Не думаешь-ли ты увѣрить меня, что наблюдаешь за мною, между-тѣмъ какъ я этого и не подозреваю? Съ начала этой зимы не одинъ уже разъ давали мнѣ чувствовать, что меня находятъ очаровательною, умною, говорили однимъ-словомъ все, что говорится въ подобныхъ случаяхъ; я дѣлала завоеванія, а ты между-тѣмъ рисовалъ картину. И что-жъ? бьюсь объ закладъ, что при всей твоей ревности ты не укажешь мнѣ ни на одного изъ моихъ поклонниковъ.

КОЛОНЖЪ. Ни на одного? а не хочешь-ли на всѣхъ?

АВРЕЛІЯ. Тогда... тогда я стала бы еще болѣе любить тебя!.. Но ты лжешь.

КОЛОНЖЪ (*встаетъ и подводитъ жену къ картинѣ*). Можетъ-ли что-нибудь быть оскорбительнѣе для художника? Твои слова доказываютъ, что кромѣ несчастнаго портрета г-жи Графенъ, ты не удостоила обратить ни малѣйшаго вниманія на мою работу; между-тѣмъ моя картина заняла бы тебя, еслибы ты хорошенько въ нее всмотрѣлась; и тогда бы ты не предлагала мнѣ биться со мною объ закладъ. Взгляни. Вотъ г. Маріенбергъ, вотъ испанецъ донъ-Антоніо-де-Пуентесъ-Кобро, Роненкуръ, вотъ Ла-Бертони, Феллсіенъ Ренье съ товарищами, словомъ всѣ тѣ, которымъ ты такъ наивно оказывала свое расположеніе.

АВРЕЛІЯ. Хоть мнѣ не въ чемъ упрекать себя... но... я боюсь тебя!..

КОЛОНЖЪ. Тѣмъ лучше! Если ты меня боишься, то вѣрно будешь впередъ беречь мои картины.

АВРЕЛІЯ. Но ты все знаешь.

КОЛОНЖЪ. Каждый мужъ долженъ знать, кто ухаживаетъ за его женой.

АВРЕЛІЯ. Такъ ты видѣлъ все?

КОЛОНЖЪ (*слыясь*). Не глядя ни на что; въ томъ-то и сила.

АВРЕЛІЯ. Не смѣйся, мнѣ это кажется такъ странно, что я не могу опомниться. Ты ужасный человекъ! Какъ ты могъ присматривать за мною, когда я ничего не замѣчала?

КОЛОНЖЪ. Это моя тайна. Довольно, если я скажу вамъ, сударыня, что и все вижу, все знаю; что ни одинъ вашъ шагъ не ускользнулъ отъ меня; что я читаю въ вашемъ сердцѣ, и что еслибы вы меня обманули...

АВРЕЛІЯ (*зажимая ему ротъ*). Никогда! (*слышитъ стукъ въ дверь*).

VI.

КОЛОНЖЪ, АВРЕЛІЯ и БАРОНЪ ЛИВЕРНУА за дверью.

БАРОНЪ. Колонжъ, я знаю, что ты здѣсь; это я... Ливернуа.

АВРЕЛІЯ. Отопри ему, я спрячусь туда же, гдѣ была, а когда взду-
маю—выйду. (*указывая на боковую дверь*). И взойду въ среднюю
дверь. (*прячется за занавѣсъ*).

КОЛОНЖЪ (*оттирая дверь*). Милости просимъ!

БАРОНЪ (*весело*). Въ Бастиллн не было такихъ затворовъ.

VII.

КОЛОНЖЪ, БАРОНЪ ЛИВЕРНУА и АВРЕЛІЯ за занавѣскою.

БАРОНЪ (*подходя къ картинѣ*). Что я вижу! Что ты сдѣлалъ
изъ головы г-жи Графенъ?

КОЛОНЖЪ. Полу плаща, какъ видишь!

БАРОНЪ. Что тебѣ вздумалось уничтожить такую чудесную головку!
Это была лучшая изъ всей картины! высокое произведеніе искусства! Ты
съ ума сошелъ.

КОЛОНЖЪ. Капризъ художника. (*стоитъ у картины*).

БАРОНЪ (*въ сторону къ авансценѣ*). Что скажетъ теперь Авре-
лія? Она подумаетъ, пожалуй, что я хотѣлъ позабавиться на ея счетъ,
и по-крайней-мѣрѣ цѣлая недѣля для меня потеряна. (*беретъ стулъ
и садится противъ картины*). Дай мнѣ разсмотрѣть получше эту
картину; я на нее взглянулъ вчера мелькомъ, и не смѣлъ долго оста-
ваться въ твоей мастерской, чтобы твоя жена этого не замѣтила.
(*взявъ Колонжа за руку*). Другъ мой! До-сихъ-поръ ты былъ хо-
рошимъ живописцемъ—теперь ты великій художникъ! Прекрасно, неподра-
жаемо! Признаюсь, я ждалъ увидѣть замѣчательную картину, а не та-
кое высокое произведеніе.

КОЛОНЖЪ. Такъ тебѣ моя картина кажется не совсѣмъ дурною!...
Мнѣ это тѣмъ пріятнѣе слышать, что ты первый судья ея.

БАРОНЪ. Въ одномъ этомъ произведеніи соединилъ ты силу Дела-
круа, поэтическое одушевленіе Шефера, отчетливость въ отдѣлкѣ Дела-
роша, и краски Декана! Сколько жизни! какая выкуплость! Это насто-
щее сраженіе, а не народъ въ Олимпійскомъ-циркѣ, которымъ любуем-
ся мы на картинахъ вашихъ собратій. Не масломъ пахнетъ отъ этой
картины, а кровью. Вотъ стонетъ раненый, вотъ ржетъ лошадь: я
слышу ихъ. Какъ неподражаемо спокоенъ Маріи! Онъ такъ и смотритъ
полководцемъ, который, распоряжая битвою, не хочетъ самъ марать кровью

рукъ своихъ. А эти бѣлокурыя женщины, которыя даютъ себя собственными волосами своимъ, чтобъ избѣжать пѣна—какъ прекрасны онѣ въ самыхъ мученіяхъ! (*съ сидомъ знатока заходитъ то справа, то слева картины*). Бьюсь объ закладъ—я знаю этого кимвра! который лежитъ подъ колѣвомъ римскаго воина, наносящаго ему послѣдній ударъ. Да, я не ошибся, это нашъ общій другъ Ла-Бертони! Ха, ха, ха!

КОЛОМЖЪ. Простя капризу художника, или лучше негодованію мужа. Эти «пожиратели сердецъ», ухаживающіе за моею женою, пропьякаютъ даже ко мнѣ въ мастерскую; ихъ глушыя рожи срываются у меня съ кисти, и часто переходятъ на полотно совершенно безъ моей воли.

БАРОНЪ. Это идея Данта и Микель-Анджело.

КОЛОМЖЪ. Къ несчастью, у меня нѣтъ ада, гдѣ-бъ я могъ отвести квартиру врагамъ моимъ. Мнѣ нельзя было сдѣлать изъ нихъ осужденныхъ, и потому я изобразилъ ихъ побѣжденными. Понскавъ хорошенько, ты найдешь здѣсь почти всѣхъ знакомыхъ. Тотъ, который бѣжитъ безъ оглядки... Роненкуръ; тотъ, уныло опустившій голову.—Маріенбергъ; вотъ стоитъ на колѣняхъ и молитъ о пощадѣ донъ-Антоніо де Пузитель-Кобра. Впрочемъ я помню, что ты помогъ мнѣ узнать ихъ продѣлки.

БАРОНЪ. Не стоить благодарности... это я сдѣлалъ столько же для дружбы, какъ и для своей собственной потѣхи. А вотъ на первомъ планѣ полумертвый Фелпсень Ренъ... что за уморительная гримаса, точно лимонъ ѣсть... сходство поразительное!

КОЛОМЖЪ. Желаніе отмстить этимъ господамъ заставило меня рѣшиться на попытку, успѣхъ которой въ наше время сомнителенъ: я хотѣлъ соединить трагическое со смѣшнымъ.

БАРОНЪ. Превосходно. Ты примѣнилъ къ живописи систему Виктора Гюго. Такое нововведеніе будетъ имѣть успѣхъ пирамидальный. Но мнѣ кажется, я въ-правѣ упрекнуть тебя въ одномъ: зачѣмъ ты только думалъ о врагахъ своихъ, а позабылъ истинныхъ друзей. Изъ однихъ ты сдѣлалъ побѣжденныхъ, изъ другихъ могъ бы сдѣлать побѣдителей. Для меня, признаюсь, было бы лестно перейти въ потомство въ числѣ вояковъ Марія.

КОЛОМЖЪ (*съ двусмысленною улыбкою*). Въ-самомъ-дѣлѣ, у тебя римскій профиль. Мнѣ не нравится въ картинѣ голова одного центуріона, и если хочешь я замѣню ее твоею.

БАРОНЪ (*обнимая Коломжу*). Ты обяжешь меня! (*встрону*). Какова мысль! Заставить мужа той женщины, за которой я ухаживаю, включить меня въ число побѣдителей!.. О простодушіе художника! (*Коломжу*). Позволь мнѣ спросить тебя, Коломжъ, по какому

праву прекрасная иностранка, г-жа Графенъ, нашла мѣсто въ твоей картинѣ; по праву пріятельницы или недруга?

КОЛОНЖЪ. Ни потому, ни по другому; а просто по праву совершенной блондинки. Въ Парижѣ бѣлокуроья красавицы также рѣдки, какъ типъ лица, характеризующій германское племя. Эта фигура вся на виду, и мнѣ надо было приложить къ ней особенное стараніе. Съ станомъ ея я кое какъ сладилъ, но не можешь представить, чего мнѣ стоила ея голова!

БАРОНЪ (*съ отчаяніемъ*). И ты ее уничтожилъ!

КОЛОНЖЪ (*какъ будто не слыша*). Я припимался передѣлываетъ ее четыре раза, и все-таки не былъ доволенъ. Наконецъ, какъ-то въ оперѣ мнѣ случилось быть подлѣ ложи г-жи Графенъ... Вотъ моя голова, подумалъ я, и вернувшись домой скопировалъ ее на память. Но довольно объ этомъ. Скажи мнѣ, какъ идутъ твои дѣла съ Ла-Бертони?

БАРОНЪ. Думаю, что безъ дуэли не обойдется. А думалъ ли ты, чтобы Ла-Бертони былъ такимъ Макіавелемъ?

КОЛОНЖЪ. Непостижимо.

БАРОНЪ. Тартюфъ въ сравненіи съ нимъ, не болѣе какъ ученикъ. Какова уловка, обвинять самаго-себя, — когда маска съ насъ спала!

КОЛОНЖЪ. А каковъ способъ—чернить другихъ, чтобъ самому быть бѣлымъ!

БАРОНЪ. Посягать на твое довѣріе ко мнѣ!

КОЛОНЖЪ. Сваливать на тебя вину свою!

БАРОНЪ. Стараться разсорить друзей!

КОЛОНЖЪ. Увѣрять, будто ты влюбленъ въ жену мою!

БАРОНЪ. Это низко!

КОЛОНЖЪ. Это подло!

БАРОНЪ (*всторону*). Вотъ дуетъ. И онъ же мнѣ подтягиваетъ! (*вслухъ*). Но, любезный другъ, что если эти глупыя выходки оставили въ умѣ твоемъ какое-нибудь впечатлѣніе?

КОЛОНЖЪ. За кого ты меня принимаешь? (*значительно*). Развѣ я не знаю тебя?

БАРОНЪ. Но если вѣрять Бомарше, отъ клеветы всегда что-нибудь да оцѣнется.

КОЛОНЖЪ. Какъ положиться мнѣ на слова человѣка, оскорбленнаго шуткою, какую ты съ нимъ сыгралъ, ради меня же, я это помню, человѣка, который, обвиняя тебя, думаетъ только объ отмщеніи?

БАРОНЪ. Я въ восторгѣ, что ты такъ хорошо понялъ настоящую

причину поведения Ла-Бертони. Стало быть мнѣнїе твое обо мнѣ не измѣнилось?

КОЛОНЖЪ. И не перемѣнится никогда. (*береть руку Барона*). Сегодня я вѣрю тебѣ столько же, какъ и вчера.

БАРОНЪ (*всторону*). Глупецъ Ла-Бертони! Ты хотѣлъ открыть глаза мужу!

VIII.

ПРЕЖНІЕ и АВРЕЛІЯ.

АВРЕЛІЯ (*насмѣштво*). Очень рада, господа, найти въ васъ Ореста и Пилада. Я увѣрена, однако, что, не взвѣряя на такую примѣрную дружбу, вы опять, баронъ, забыли исполнить желаніе жены вашего друга—а оно должно быть для васъ священо. Гдѣ жъ тотъ альбомъ, который вы обѣщались принести мнѣ.

БАРОНЪ (*ударяя себѣ въ лобъ*). Экая разсѣянность! Сегодня я нарочно вынулъ его изъ шкафа, положилъ на бюро, и забылъ. Нынче же вечеромъ доставлю вамъ непременно.

АВРЕЛІЯ. Еще вечеромъ!

БАРОНЪ. Если угодно, я сейчасъ же поѣду за нимъ.

АВРЕЛІЯ. Тото же! Хотя мнѣ и совѣстно обременять васъ этимъ, но вы знаете, терпѣніе не наша добродѣтель. Когда вы сказали, нынче вечеромъ, я думала, что это будетъ черезъ сто лѣтъ. Я жду васъ.

БАРОНЪ. И будете ждать не долго. (*уходитъ*).

IX.

АВРЕЛІЯ и КОЛОНЖЪ.

АВРЕЛІЯ. Я очень рада, что мнѣ удалось спровадить его на нѣскольکو времени.

КОЛОНЖЪ. Для чего это?

АВРЕЛІЯ. Ты это сейчасъ узнаешь.

КОЛОНЖЪ. Ну что? Тебѣ было весело тамъ. (*указывая на занавѣску*).

АВРЕЛІЯ. Очень весело; но я слышала, что дѣло не обойдется безъ дуэли?

КОЛОНЖЪ. Да, если я не помѣшаю имъ; они взбѣшены оба, особенно бѣдный Ливернуа.

АВРЕЛІЯ. Бѣдный!

КОЛОНЖЪ. Да и какъ ему не бѣситься, когда на него такъ безбожно клеветуютъ.

АВРЕЛІЯ. Клеветуютъ, ты думаешь? И ты хочешь увѣрить меня, что ревнивъ! Но тсъ! Баронъ возвращается—стань въ свою очередь за эту занавѣсъ!... Я намѣрена потѣшить тебя и себя.

КОЛОНЖЪ. Но...

АВРЕЛІЯ (*тащитъ его силой*). Я этого требую.

Х.

БАРОНЪ, ЛИБЕРТУА и АВРЕЛІЯ (*сидятъ задумавшись*).

БАРОНЪ. Вотъ альбомъ. Загналъ лошадь, чтобы сдѣлать вамъ угодное. (*Аврелія беретъ альбомъ и кладетъ его на столъ, не раскрывая*). Но гдѣ же вашъ мужъ?

АВРЕЛІЯ. Я его услала съ порученіемъ къ г-жѣ Габріель; онъ поѣхалъ къ ней очень неохотно.

БАРОНЪ (*всторону*). О счастье! Она приготовила сама это свиданіе!

АВРЕЛІЯ. Я видѣла наконецъ картину.

БАРОНЪ. Вы, можетъ-быть, думаете, что я васъ обманывалъ... но, клянусь вамъ, эту голову я вчера видѣлъ, видѣлъ собственными глазами.

АВРЕЛІЯ (*тихо*). И я ее видѣла.

БАРОНЪ (*съ видимымъ удовольствіемъ*). Вы знаете, я наперсникъ вашъ. (*беретъ стулъ и садится возлѣ Авреліи*). Вы можете мнѣ все говорить; никто не будетъ слушать васъ съ такою глубокою преданностью, съ такимъ чистосердечнымъ участіемъ, какъ я. Смѣли спросить, что случилось?

АВРЕЛІЯ. Почти ничего; видя, что голова, о которой говорили мы, мнѣ не нравится, ее закрасили.

БАРОНЪ. Неужели. Вамъ пожертвовали ею? Ну, я думаю, чего-нибудь да стояла эта жертва сердцу художника!

АВРЕЛІЯ. А еще болѣе сердцу вздыхателя.

БАРОНЪ. Васъ все еще тревожитъ мысль, что онъ любитъ ее?

АВРЕЛІЯ. Не сами ли вы мнѣ объ этомъ говорили?

БАРОНЪ. Но я тоже говорилъ вамъ, что не отъ меня зависѣло смягчить истину, которую вы хотѣли знать.

АВРЕЛІЯ. Я не такъ слаба, какъ вы думаете; (*гордо*) у меня достанетъ силъ слушать истину, какъ бы горька она ни была. Другая на моемъ мѣстѣ залилась бы слезами, упала бы въ обморокъ, стала бы призывать смерть; я, напротивъ, буду терпѣливо и мужественно поко-

ряться судьбѣ. Когда Колонжъ любилъ меня, я сама была привязана къ нему всею душою; но теперь, когда любовь его кончилась, я стада бы презирать себя, еслибы чувствовала что-нибудь похожее на любовь къ нему. Это внезапное измѣненіе чувства удивительно даже для меня: я никогда не подозрѣвала въ себѣ такого твердаго, мстительнаго характера. Пока я сомнѣвалась, страданія мои были нестерпимы. Лишь только я увѣрилась въ измѣнѣ, то совѣмъ забыла о своихъ страданіяхъ.

БАРОНЪ (*вкрадчиво*). Страданіямъ нельзя пособить, и мнѣ остается только радоваться вашей рѣшимости.

АВРЕЛІЯ. Плакать, стелать, терзаться за неблагодарнаго! Играть роль жертвы!.. Конечно, я не буду такъ глупа и такъ малодушна... Иначе всякій будетъ имѣть право смѣяться надо мной.

БАРОНЪ. Не смѣяться, а сожалѣть о васъ.

АВРЕЛІЯ. Это еще хуже. Неужели я такъ безобразна, чтобъ стали жалѣть обо мнѣ? Я скорѣе выпесу оскорбленіе, нежели сожалѣніе. Еслибы я знала, что вы жалѣете меня, я никогда бы вамъ не простила этого.

БАРОНЪ. А еслибы страданія ваши вдохнули въ меня другое чувство, которое въ тысячу разъ иѣжичѣе, глубже и пламеннѣе сожалѣнія, простили ли бы вы мнѣ тогда?

АВРЕЛІЯ. Стало-быть это чувство для кого-нибудь оскорбительно, когда оно имѣетъ нужду въ прощеніи?

БАРОНЪ. Оскорбительно! Неужели оскорбленіемъ можно назвать живѣйшее участіе, глубочайшее уваженіе, самую пламенную иѣжичность, любовь наконецъ? Да, любовь, и какую любовь! какой никогда еще не ввухала женщнна!

АВРЕЛІЯ. Вы любите меня?

БАРОНЪ. Страстно, до безумія! (*на колыняхъ*) Аврелія, я жду вашего взгляда, одного ласковаго взгляда!

КОЛОНЖЪ (*въ это время выходитъ изъ-за занавѣса и становится позади барона*).

АВРЕЛІЯ (*Колонжу*). Ну, кто выигралъ?

БАРОНЪ (*быстро повернувъ голову и увидѣвъ Колонжа, не говоря ни слова, схватываетъ шляпу и бѣжитъ къ дверямъ*).

КОЛОНЖЪ. Куда же ты? (*останавливаетъ его и едетъ къ азансценѣ*). Клади шляпу и садись. Я не мстительнъ, въ карманѣ у меня нѣтъ ни кинжала, ни пистолета.

БАРОНЪ (*собравшись съ духомъ*). Не знаю, въ какую игру станемъ мы играть, но могу сказать заранѣе—я проигралъ. (*беретъ стулъ и садится*).

АВРЕЛІЯ. Не вы одни (*глядитъ на мужа*).

КОЛОМЖЪ. Да, баронъ, я тебѣ товарищъ въ несчастіи. Я долженъ объяснить все, потому-что, несмотря на весь твой умъ, ты тутъ ничего не поймешь. Знай, что маленькая сцена изъ Тартюфа, которую мы разыграли, выдумана женою,—а не мною.

АВРЕЛІЯ. Что, баронъ, хорошо я сыграла роль оставленной, дышащей мщеніемъ женщины?

КОЛОМЖЪ. Надо быть ко всѣмъ справедливымъ. И у барона были прекрасныя минуты; онъ славно сказалъ. » Оскорбленіе! Неужели можно назвать оскорбленіемъ — живѣйшее участіе » и прочее.

АВРЕЛІЯ. И еще лучше: «Страстно, до безумія!»

КОЛОМЖЪ. Пантомима также не уступала краснорѣчію: живописиѣ его не станешь на колѣни. Но я долженъ еще объяснить маленькій прологъ къ нашей пьескѣ. Ты знаешь, какъ я принялъ доносъ Ла-Бертони, и какъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы ты старался нравиться женѣ моей! Аврелія не раздѣляла моего мнѣнія; напрасно я ей говорилъ о дружбѣ твоей ко мнѣ, напрасно перечислялъ услуги, какія ты мнѣ оказала, она стояла на томъ, что безкорыстіе и искренность дружбы не рѣдко бываютъ подвержены нѣкоторому сомнѣнію. Я бралъ твою сторону—напрасно Между-тѣмъ, какъ въ моихъ глазахъ ты оставался самымъ предантѣйшимъ другомъ, въ ея глазахъ ты былъ самымъ вѣроломнымъ, самымъ лицемернымъ человѣкомъ. Извини. Это говоритъ—моя жена. Короче: споръ нашъ кончился по-англійски—закладомъ.

БАРОНЪ. Котораго проигрывать заплачу я: это ясно. Послушай, Коломжъ. Ты умнее, но не оскорбляя тебя, г-жа Коломжъ еще умнѣе. Равнымъ оружіемъ мнѣ не трудно бы сражаться, но когда вы оба противъ меня одного, я безъ стыда могу признаться въ проигрышѣ. Чтобы заплатить за урокъ, данный, мнѣ я дамъ тебѣ совѣтъ.

КОЛОМЖЪ. Сдѣлай одолженіе.

БАРОНЪ (*вставая, на ухо Коломжу*). Впередъ охраняй жену свою самъ, — это будетъ гораздо вѣрнѣе. (*кланяется Авреліи и Коломжу*). До свиданія.

КОЛОМЖЪ. Прощай.

БАРОНЪ. Ну, пожалуй, прощай! Но если мы не должны болѣе видѣться, надѣюсь, по-крайней-мѣрѣ, что ты не ставешь питать ко мнѣ злобы. Будь увѣренъ, что на моемъ мѣстѣ всякій бы тоже сдѣлалъ. На такихъ женщинахъ, какъ жена твоя, нельзя не остановить вниманія. (*уходитъ*).

XI.

КОЛОЖЪ и АВРЕЛІА (хохочутъ).

АВРЕЛІА (*серьозно*). Теперь очередь за нами, сударь. Помните ли, что вы мнѣ говорили здѣсь?

КОЛОЖЪ (*взявъ ея руку и глядя ей въ глаза*). Люблю тебя—это что ли?

АВРЕЛІА (*отнимая руку*). Совсѣмъ нѣтъ. Вотъ что вы мнѣ говорили: «Знайте, сударыня, что я все вижу и слышу, что ни одинъ вашъ обожатель не ускользнетъ отъ меня,» Смѣете ли вы теперь повторить это?

КОЛОЖЪ. Отчего же и нѣтъ? Поведеніе мое покажется тебѣ страннымъ; но ты извинишь его, размысливъ о трудномъ положеніи, въ какое ставило меня твое умѣнье всемъ нравиться—и мой трудъ, который поглощалъ половину моей жизни. Враги мои были такъ многочисленны, что, отчаявшись побѣдить ихъ открытою силою, я долженъ былъ прибѣгнуть къ хитрости. Знаешь ли ты, что значитъ охотиться съ лягавою собакою?

АВРЕЛІА. Забавный вопросъ!

КОЛОЖЪ. Ни чуть не забавный. Чтобъ ты поняла мою систему обороны, для этого необходимо сравненіе Хорошая лягавая собака преслѣдуетъ дичь съ жаромъ, останавливается на известномъ разстояніи и подгоняетъ ее подъ выстрѣлъ охотника; такая собака была для меня необходима въ борьбѣ, въ которую я былъ завлеченъ. И такъ, выбравъ изъ твоихъ волокитъ самаго хитраго, самаго тонкаго и искуснаго, словомъ, такого, въ которомъ, по моему мнѣнію, было лучшее чутье, я выучилъ его, такъ, что онъ и самъ того не подозрѣвалъ, слѣдить своихъ соперниковъ и далъ ему позволеніе только кусать ихъ. Мы пустились на охоту, онъ, подсмѣиваясь потихоньку надъ моею довѣрчивостію, а—я надъ его вѣроломствомъ. Собака слѣлала чудеса. Надо ей отдать справедливость.

АВРЕЛІА. И такъ ты все отгадалъ?

КОЛОЖЪ. Съ перваго же дня.

АВРЕЛІА. Что жъ это такое—умъ или ревность?

КОЛОЖЪ (*взявъ ее за руку*). Это любовь.